

Лис Арден

Алмаз темной крови

Книга 3. Дудочки
Судного дня

Лис Арден

**Алмаз темной крови. Книга
3. Дудочки Судного дня**

«Издательские решения»

2015

Арден Л.

Алмаз темной крови. Книга 3. Дудочки Судного дня / Л. Арден — «Издательские решения», 2015

Три книги — «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного дня» — предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира. Заключительная книга позволяет заглянуть в будущее Обитаемого Мира, покинутого богами-близнецами на волю одного из малозаметных прежде божков. Установившееся равновесие слишком зыбко. Возможно, умирающему миру смогут помочь старые боги. Руками людей, разумеется.

© Арден Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая	9
Глава первая. Виша из дома Вельда	9
Глава вторая. Тяжелый квест	19
Глава третья. Безупречный город	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алмаз темной крови

Книга 3. Дудочки Судного дня

Лис Арден

© Лис Арден, 2015

© Kii Ouraha, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Три книги – «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» – предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира.

Третья, заключительная книга трилогии, позволяет заглянуть в будущее Обитаемого Мира, покинутого богами-близнецами на волю одного из малозаметных прежде божков. Который, ни много ни мало, решает исполнить пророчество и сделаться единовластным хозяином мира. Войны, навсегда изменившие облик и Обитаемого Мира, и его населяющих его рас, уже в прошлом, но установившееся равновесие слишком зыбко. Возможно, умирающему миру могут помочь старые боги. Руками людей, разумеется.

Когда пышноцветный Калима, пройдя весь положенный растению жизненный цикл, растянувшийся почти на столетие, должен был вернуться в породившую и питающую его землю, он оставил своим детям семя, залог будущего возвращения. Размером с голову взрослого человека, заключенное в твердую скорлупу цвета гранатового сока, семя должно было спокойно дожидаться положенного часа в святилище храма. В должный срок оно выпустит на свет новое воплощение бога, более могущественное и величественное, чем прежнее, и возрожденный Калима поведет своих лиственношумящих детей на новые земли, ибо старые пределы стали им тесны. Иные расы, злобные, неуживчивые, вечно ссорящиеся, должны будут уступить, и в Обитаемых Землях наступят мир и покой, и лишь ветер будет нарушать тишину великого Леса...

Фрагмент одного из манускриптов, найденных Вишей Вельда

* * *

Карл Брокхус был одним из тех мальчиков, которых любящие мамы называют крепышами, а не склонные к церемониям сверстники попросту толстяками. Глядя на него, невысокого, белесого, очкастого увальня, копошащегося на капустных грядках, фермерша Брокхус часто спрашивала себя – в кого уродился таким нескладехой ее младшенький? Однако на этом ее сожаления и заканчивались. Карл был добрым, смысленным мальчиком, хорошо учился, диких выходок, как другие фермерские мальчишки, не устраивал, а уж что касается работы на огороде, так уж тут даже и взрослым с ним не сравниться. Те грядки, за которыми ухаживал Карл, были так хороши, что хоть на выставку отправляй, кусты и деревья, оказавшиеся под его попечением, и цвели пышнее, и плодоносили щедрее. Да и трудился Карл, прямо сказать, не покладая рук; в семье об этом не распространялись, но всем прекрасно было известно, что младший не только полет-рыхлит-поливает, но еще и песенки своим питомцам поет, и разговоры с ними разговаривает. В их мире такая любовь, выказываемая растениям, была по меньшей мере странной, но Карла – то ли как младшенького, то ли как отчасти блаженного – не задевали и в душу к нему не лезли. Даже разрешили свою личную грядочку завести, только для цветов. Ну, нравятся они ему, что ж тут плохого? Здесь, на ферме, все растения сортовые, отобран-

ные... не опасные, одним словом. Не то, что в Лесу, что тяжелой громадой темнеет за высокой изгородью, через которую пропущен ток.

Да и сам Карл, если бы его спросили, откуда вдруг такая любовь к растениям, вряд ли смог бы вразумительно на этот вопрос ответить. Просто они ему нравились – шершавые огуречные листья, наглый задиристый запах чеснока и округлость яблочных бочков; он любил лечь на живот и прислушиваться к току воды в упругих стеблях, мог часами смотреть на выпускающийся цветок, сливаясь с ним воедино, трепеща от восторга души, открывающей себя миру. К слову сказать, Карл ничего не имел против сбора урожая; срывать созревшие плоды казалось ему столь же естественным, как и сажать новые семена. Так что Карла Брокхуса можно было бы назвать одним из тех счастливых, кто где родился – там и пригодился; мальчик только и мечтал о тех временах, когда он закончит наконец не очень-то нужную ему школу и не надо будет отрываться от возлюбленной земли, чтобы написать никому не нужное сочинение или отрешать порцию уравнений.

Сейчас он как раз прищипывал побеги томатов и ворчливо рассказывал им, сколько ему опять назадавали, что он, в самом деле, эльф, что ли, какой... абстракциями тешиться (Карл недавно вычитал это мудреное слово в учебнике истории). Побег в ответ согласно кивали, ежились, когда пальцы мальчика срывали лишние листья и, в общем, сочувствовали.

На ферме было тихо; мать с отцом были в дальнем саду, старший брат с сестрой ползали вдоль морковных грядок, прореживая ажурную поросль, работенка это муторная, не до разговоров. Работники тоже при делах – все как всегда; на ферме летний день год кормит, как говорили раньше, теперь же стоило сказать – сотням жизни прибавляет. Было пасмурно, но солнце припекало и сквозь белые плотные облака; ветер, несущий прохладный лесной воздух, затих.

Карл попрощался с томатами, пообещав напоследок опрыскать их вечером настоем листьев табака, чтобы не так докучала тля. Брат с сестрой все еще копошились с морковью и Карл, пожалев их, неумех, взялся закончить их работу, а самих погнал в дальний сад, помочь отцу с матерью. Где-где, а в огороде старшие слушались младшего беспрекословно; не стали спорить и на этот раз. Пройдясь по морковной ботве как частый гребень по спутанным волосам, Карл еще немного повозился с огуречными плетями и решил, что можно и отдохнуть. Он ушел в свой личный уголок, где росли его любимые цветы и травы, и улегся прямо на землю, носом в стебли, и завел только ему внятный разговор – о том, какой жаркий и сонный сегодня воздух, даже бутоны лениво раскрывать, но воды в земле еще довольно, а ветер непременно переменится уже к вечеру... за разговором Карл сам не заметил, как задремал.

Нападения на фермы редкостью не были, но в последние годы это были мелкие вылазки, больше похожие на разбой, чем на военные действия. На эти случаи фермеры держали огнеметы и кислотные опрыскиватели, с которыми умели управляться все, от мала до велика. На самый крайний случай были еще емкости с мощными дефолиантами, расставленные по периметру садов, примыкавших к санитарной вырубке; если фермерша (наверное, нелишне будет напомнить, что на фермах главой исстари была именно хозяйка) приводила в действие механизм, опрокидывавший их, то на спасение рассчитывать не приходилось никому – ни нападавшим, ни людям. В случае небывалой удачи люди еще могли успеть укрыться в подземном убежище и переждать там, пока город не пришлет помощь или не явятся неожиданно-негаданно эльфы, которым было в принципе все равно где сражаться, а подобные короткие и яростные стычки были для них как глоток воздуха в духоте ожидания последней битвы. Стены убежища были достаточно прочны, чтобы выдержать натиск корней и не пропустить отраву, были там запасы воды и воздуха, а психика у фермеров, живущих бок о бок со смертельными врагами, была достаточно устойчива и недолгое заточение не могло ее сломать. Однако случаи чудесных спасений можно было по пальцам пересчитать, и когда регулярные войска ослабляли

хватку Леса на горле города, новой семье, пришедшей на очищенную землю, оставались в лучшем случае полуразрушенные строения и остатки посадок.

Сквозь сладкий дневной сон Карл слышал чьи-то торопливые шаги, метнувшиеся в направлении дома, потом еще, и еще, а потом – приглушенные крики. Немногим позже он узнал, что это кричал его старший брат, Якоб. Он слишком хорошо знал, зачем фермерша Брохус направилась в дом, приказав всем домочадцам укрыться в убежище.

– Мама! Мама, Карл еще в саду! Я за ним!

Добежав до любимой карловой грядки на подгибающихся от ужаса ногах, Якоб наклонился, схватил все еще посапывающего младшего брата и рывком поднял его на ноги.

– Ну же, проснись! Бежим!

Карл озирался по сторонам и постепенно перед глазами его прояснялась картина, страшнее которой он ничего не мог себе представить.

Это не было похоже на те злобные выходки, какие иногда позволял себе Лес; Карл много слышал о них, да и сам однажды наткнулся на поросль ядовитого плюща, за одну ночь проросшего через все защитные вырубki и успевшего оплести стволы нескольких десятков яблонь. Все эти семена, летевшие в работавших фермеров из-за городьбы со скоростью и мощностью снаряда, паразиты, пробирающиеся под землей и нащептывающие гниль корням садовых деревьев, выбросы ядовитой пыльцы – все это были мелочи, проявления скуки младшего командного состава. Сейчас, похоже, о себе заявил кто-то рангом повыше.

Санитарной вырубки Карл не увидел, она вся была заполнена армией Леса. Стена, несущая оголенные провода, была повалена. А ухоженный сад Брохусов превратился в пестро-зеленое месиво. Пришедшие не пощадили своих собратьев. Дети Леса передвигались медленно, тяжело подтягиваясь на впивающихся в землю корнях, но там, куда доставали их многочисленные ветви, уцелеть было невозможно. Они шли неровной, волнующейся стеной – еще молодые деревья, не достигшие и десяти метров роста, дети опушки, годами наблюдавшие за землями, оскверненными двуногими созданиями, нарушающими гармонию всего сущего. Не было дня, когда они, молодые и сильные, не желали вернуть этим землям покой и тишину, раскинуть над ними умиротворяющий полог Леса. Сдерживало их даже не столько терпение, сколько осознание своей правоты и вера в неизбежность победы. Эта война была священна. А спешка при священнодействии неуместна.

Но сегодня известия, полученные от омелы, давшей всходы на одном из дубов, вывели их из себя. Они потеряли еще часть земель у Мертвого озера. Почуввав воскрешающую поступь Леса, остроухие предпочли отравить воду, умертвить саму землю на глубину пустынного корня, только бы не уступить. Их Город как язва, выжженная на теле, причинял постоянную боль и вселял тревогу... как оказалось, не напрасную. Этим смертоносным созданиям оказалось мало мертвой земли, где они осмеливались жить; они захотели расширить свои владения. Перейдя пограничные области, пораженные мусорными растениями, остроухие распылили какой-то новый яд, который, соединяясь с воздухом, накрыл Лес тяжелым туманом. Яд стекал по ветвям и стволам задыхающихся деревьев, убивая саму землю, взрастившую их. И все потому, что остроухим стало мало места для их отвратительных машин...

Карл все никак не мог выйти из оцепенения, переводя бессмысленный взгляд из стороны в сторону. Он не мог понять, почему дети Леса так жестоко расправляются с его садом. Их ненависть к людям была объяснима, но чем же провинились кусты и травы? Терпение Якоба лопнуло и он силком потащил брата к дому; Карл оглядывался, но послушно перебирал ногами. И вдруг уперся, да так, что Якоб чуть не упал.

– Мои цветы! Они... мои цветы!

И, гневно погрозив кулаком наступающим на сад деревьям, оттолкнул брата и пошел прямо вглубь сада.

– Уходите! Нечего вам тут делать!

«Он сошел с ума», – мелькнуло в голове у Якоба. – «Свихнулся со своими цветочками...»

Тут Карл болезненно вскрикнул – земля, державшая его любимые цветы, вспучилась и из нее выхлестнули белесые щупальца корней, и один из нападавших буков заметно приблизился к мальчику. Однако вместо того, чтобы бежать, Карл поправил очки, выпрямился и заговорил так спокойно и уверенно, будто был школьным учителем, а деревья – нашкодившими детьми.

– Ты не понял меня? Уходи немедленно. Вон из моего сада. Иначе я накажу тебя. Ты плохой! И друзья твои негодные!

Что происходило дальше, Якоб увидеть не смог, потому что на его голову обрушился тяжелый удар, и он упал, потеряв сознание. А посмотреть было на что. Поначалу деревья даже не услышали гадкого маленького двуногого и продолжали методично освобождать землю от людских растений, чтобы потом приняться за их же уродливые постройки, а потом и за них самих – если они к тому времени не уберутся сами. Но Карл не отступил. Сам не заметив как, он перестал говорить привычными человеческими словами. Его сознание легко настроилось на ту тональность, в которой он обычно общался со своими цветами; мысли стали четкими, почти осязаемыми... и очень сильными.

Этого нападавшие не заметить не могли; дети Леса приостановились в недоумении – каким образом эта вредоносная ошибка мироздания проникла в святая святых, в их общий ментальный поток, омывающий и соединяющий весь Лес? Мало того, что проникла, она еще и пытается управлять им! А пока они недоумевали и не верили, мысль Карла Брокхуса свилась в тугую жгут и хлестнула по ним с размаху, как хлещет кнут пастуха медлительное стадо коров.

Покачиваясь, они на мгновение замерли... и начали отступать. Сначала вопреки своей воле, ропща и пытаясь сопротивляться. Но кнут хлестал все больше и больше, он заставил их устыдиться содеянного и, не позволяя думать, приказывал уходить. И они шли – уже безропотно, безмолвно. Их разум оказался бессилен перед волей и разумом мальчика, диктующего им так властно, что сопротивляться не было сил... не было сил... Они уходили, пристыженные, униженные, но совсем не питающие злобы.

А Карл смотрел на них без удивления и уже без гнева; он почти успокоился. Интуитивно мальчик понимал, что этот урок запомнится детьми Леса надолго и вряд ли теперь есть необходимость восстанавливать изгородь и подводить к ней провода.

Карлу Брокхусу повезло. В магистрате нашлись умные люди, которые настояли на том, чтобы мальчика оставили в покое и позволили ему повзрослеть. И только когда Карлу исполнилось восемнадцать, его пригласили в город, в небольшую школу для особо одаренных юношей. В неполные двадцать Карл Брокхус смог понять природу своих способностей и начал искать себе подобных. В двадцать пять он основал школу ментального контроля растений, которую после его смерти назовут Орденом брокхусов. Но до этого он еще очень много успел – обучил не один десяток сподвижников, выяснил, что способности брокхуса передаются по мужской линии и наследуются только мальчиками, освободил многие земли от постоянной обработки препаратами, убивающими сознание растений, и сделал фермерские продукты гораздо более похожими на естественные и почти безвредными, женился... И если учесть, что на все про все у него было каких-то пять лет – этот толстый нескладный очкарик оказался довольно шустер. Карл умер тридцати лет отроду. Дольше брокхусы не жили.

Часть первая

Глава первая. Виша из дома Вельда

– Уху, просыпайся. – Виша ласково провела пальцами по круглой гладкой голове птицы, уютно дремавшей в стенной нише. – Притворяться бесполезно. Ругаться тоже. Ну, просыпайся же! – уже потребовала девушка, и, немного помедлив, добавила уже тише: – Мне пора в Лес.

Сова распахнула глазищи, похожие на две живые золотые монеты – еще из тех, давних времен, о которых Виша читала в книгах по истории, и уставилась на девушку с нескрываемым удивлением. И было чему удивляться. Осенью, еще не знавшей первого снега, темнеет рано; сейчас за окнами уже начинало смеркаться. А значит, в Лес Виша попадет самое раннее – к началу вечера, к тому времени, когда свет убывает быстро, как вода в решете, и темнота подползает откуда-то из-за спины, быстро и необратимо. А ведь еще надо будет собрать ягоды и вернуться домой. И как это глупая девчонка рассчитывает все успеть?..

– Глупая девчонка не хуже тебя знает, что готовый сбор никто мне под деревце не поставит. Только ты забываешь, совушка, – Виша оторвалась на минуту от застежек серо-зеленого комбинезона, выглянула из-за створки шкафа и подмигнула птице, – ты забываешь, что никакой девчонки там не будет. А будет сова... круглая голова... желтые глазищи... и вот эдакий умище... Знаю, знаю, куда уж мне. Только там, куда мне сегодня надо, совы днем не летают. Опушка такое еще проглотит, а вот Мхи – вряд ли.

Виша застегнула последнюю пряжку, туго стянув ворот, и потянулась за стоявшим на самой последней полке ящичком, невысоким и довольно тяжелым. Простой металлический ящичек был снабжен кодовым замком; в нем, закрепленные на специальных распорках, лежали длинные, выше локтя, перчатки. Прежде чем одеть их, Виша критически оглядела свои ладони; их украшал сложный рисунок, более всего напоминавший растительный орнамент, который столетия назад создали ювелиры Эригона. На ладонях рисунок был золотисто-желтый, на нижних фалангах пальцев – оранжевый.

– Да, ты была права, Уху. Мне нужен красный. А то куда это годится – братья уже настоящими брохусами стали, вахты держат... а я все еще до середины Леса не дошла. Места я эти знаю, днем не раз хаживала.

Девушка бросила взгляд в зеркало и быстро вынула из ушей все свои серьги, числом ровно семь (полумесяц, две звездочки, снежинку на тонкой цепочке – с правого уха, и гирлянду с тремя темно-зелеными кристаллами из левого... что с того, что кристаллы настоящие, оправа все равно серебряная, а с металлом на себе в Лес только самоубийца пойдет). Она ссыпала серьги на дно ящичка, достала перчатки и старательно их натянула, потерла ладонь о ладонь, подышала на них, снова потерла. Вытянув руки перед собой, Виша выжидающе смотрела на них. Через минуту с небольшим светло-серый материал перчаток зарябил как вода, по которой тормозит разбежавшийся ветер; почти сразу же рябь прекратилась, перчатки разгладились, даже как-то задышали, все швы, морщинки и неровности исчезли. Уж не знаю, сколько братья заплатили за это чудо эльфьей науки, но оно того стоило, подумала девушка. Конечно, кристального напыления на них не было, но оно ей и ни к чему. И без того – гибкость такая же, как и у родной кожи, а защита как у брони – ни порезать, ни прожечь, ни отравить. Хотя, усмехнулась Виша, я стою не дешевле, и вообще-то у меня вся рабочая одежда такой должна быть; оно конечно, у собирателя руки вперед всего лезут, а вишин тотем позволял еще и на обуви экономить, поскольку левитируя много сапог не стопчешь, но... то ветка хлестнет, то листва мокрая весь бок облепит – все ведь до разу. Ну ничего, утешила себя девушка,

несколько визитов во Мхи и достанет и на боевой эльфий наряд, придется только серебряные оплечья спороть. Тут она резко оборвала себя – ишь, размечталась, нечего тут... обычаи нарушать и время тратить.

Девушка взяла с пола довольно объемный рюкзак, ловко закинула его за плечи и подошла к окну. Подтверждая довольное урчание кота, спавшего прямо на вишиной подушке, на улице шел дождь – несильный и нескончаемый осенний дождь. Конечно, рабочий костюм водонепроницаем, но все равно не очень-то приятно выходить из дома в сырость и холод.

Никто не знал, что Виша собралась в Лес; даже мама. Так полагалось. Меньше волноваться будут. Виша подошла к стенной нише, в которой сидела наблюдавшая за ней Уху, и осторожно взяла птицу в руки.

– Нам пора. – Девушка направилась к выходу. – Постарайся долететь до дому, не мокнуть же тебе все мое время под дождем. Ну конечно ты можешь переночевать на дереве, я ничуть в тебе не сомневаюсь. Хорошо, как скажешь.

Незаметно выйдя из дома, девушка перешла по разводному мосту через небольшой ров, облицованный керамическими плитками и заполненный дистиллированной водой; прямо над поверхностью воды чернели отверстия труб, оттуда при необходимости подавалась концентрированная смесь, превращавшая воду в ядовитый кипяток, сжигающий любую органику. Узкая тропа вела через обширные огороды, с ровными, аккуратными грядками, куполами теплиц, к фруктовому саду. Когда Виша подошла к последнему ряду садовых деревьев, рослых и безобидных, дождь слегка поутих, словно давая ей возможность сосредоточиться. Девушка остановилась под раскидистой яблоней, посадила сову на низкую ветку и посмотрела прямо в золотые глаза совы; птица со спокойным достоинством приняла взгляд ее карих глаз, похожих на переспелые вишни. Они смотрели друг на друга долго, и совиные глаза постепенно становились все более и более сонными, теряли ясность и выразительность, а потом и вовсе сомкнулись. Виша глубоко вздохнула, медленно отошла от дерева. Несколько минут она стояла, выравнивая дыхание, и когда оно стало легким и неслышным, сорвалась с места и побежала. К Лесу.

Для Виши это было уже почти привычное занятие. Она бывала в Лесу и весной, когда наливались соком березовые почки, настой которых дорого ценили медики, и летом, когда созревала малина на Опушке и осенью, когда Лес готовился к холодам, сбрасывал все лишнее – листья, ягоды, и поэтому можно было позволить себе задержаться подольше и взять побольше. Виша и другие собиратели были самой редкой разновидностью Измененных, появившихся в Обитаемом Мире после великого разделения земель. В те давние дни Безымянный хребет стал границей между землями, где растения стали полновластными хозяевами и стерты были сами воспоминания о людях, – и землями, где дети Леса и потомки некогда царивших в Обитаемом мире рас были вынуждены жить бок о бок. Мирным это сосуществование не назвал бы никто. Одна сторона не теряла надежды вернуть измученное тело земли под воскрешающую сень лиственного покрывала, а вторая раз и навсегда решив, что вымирание – это не для нее, создавала все новые способы и возможности выжить в изменившемся мире.

Собирателей было даже меньше, чем брохусов, хотя их уникальные способности были схожи. Брохусы умели подчинять своей воле все без исключения растения, от информаторов до воинов (пост из двух десятков брохусов мог держать в подчинении детей Леса по всей границе городских земель на глубину чуть более ста метров); они же обрабатывали все фермерские посадки, формируя у саженцев ровный, покладистый нрав и ликвидируя их интеллект. Собиратели тоже могли безнаказанно проникать в Лес – намного дальше контролируемых городом земель. Они уходили в чистые, первозданные области, не оскверненные дефолиантами и пожарными прогалинами, и приносили оттуда ягоды, листья, цветы – ведь с их целебной

силой не могло сравниться ни одно искусственное лекарство, особенно если речь шла о восстановлении сил. Химики давным-давно научились синтезировать витамины, но почему-то кружка отвара из ягод лесного шиповника возвращала румянец на щеки больного куда быстрее и эффективнее. В мире, где большая часть пищи была искусственной, где фермерские продукты стоили дорого и не всем их хватало, где растительные элементы исчезли даже из орнаментов – запах июльской земляники кружил голову даже самому богатому горожанину.

У каждого собирателя был свой личный тотем – не символический, а живой; собственно, сроком жизни тотема и определялись начало и продолжительность карьеры собирателя. Тотем – животное или птица – появлялся перед своим избранником всегда неожиданно, и не одна мать застывала на пороге детской, увидев у изголовья спящего сына или дочери лесного зверя. Возраст избранника мог быть и младенческим и вполне сознательным; к Више из дома Вельда сова прилетела в десятую годовщину ее рождения. Между избранным и его тотемом устанавливалась тончайшая ментальная связь; они понимали друг друга с полумысли и общались как духовные близнецы. Позже, при помощи техник, полученных от брохусов, собиратель научился блокировать на время свое сознание, принимая сознание тотема как собственное; человек прятался за личиной зверя, как болотная трясина – за зеленой сочной травой. В этом состоянии ментальной мимикрии собиратель мог спокойно отправляться в Лес – зверей и птиц там терпели не в пример спокойнее, мог брать любые ягоды и даже корни (если тотемом был крот), не ведерную корзину, разумеется, но довольно вместительную заплечную сумку. Тотем-птица так даже позволял своей второй половине левитировать, недолго, конечно, и не слишком высоко.

На все время заимствования тотем впадал в полусонное-полубессознательное состояние, похожее на зимнюю спячку; но если в это время нарушали его покой, контакт между человеком и зверем прерывался и собиратель оказывался в положении пришедшего на официальный прием в одном нижнем белье. И обычным скандалом он не отделялся. Почти все избранники разбуженных тотемов погибали, не успев дойти до контролируемых территорий. Поэтому и бытовала поговорка – «Собиратель – это не профессия, а участь». Однако при этом никто из избранных не отказывался от своего дара, никто не стремился избавиться от тотема раньше времени. Любого, хоть раз побывавшего в Лесу, тянуло туда снова и снова. Лесные сокровища стоили недешево, и хотя часть своей добычи собиратели отдавали в казну брохусов (отчасти потому, что были благодарны за обучение, отчасти потому, что здоровье брохусов действительно было дорого) но почти две трети оставались в их личном распоряжении. И продавались весьма недешево. Но даже не деньги заставляли собирателя возвращаться в Лес; редко кто признавался в этом, но губительное лесное очарование прикипало к крови после первого же набега. Самым удачливым удавалось, минуя охранные заросли, проникнуть в Покинутые Поселения. Города, брошенные людьми до наступления равновесия, остались почти нетронутыми и все их сокровища только и ждали того, кто протянет к ним руку. Само собой, таких было очень мало, и еще меньше было тех, кому удавалось вынести эти сокровища за пределы Леса.

К собирателям, как и к брохусам, отношение у людей было разным. Кто-то считал их вырожденками, сорящими деньгами и прожигающими жизнь, а кто-то молиться на них был готов... большинство же просто привыкло к их существованию и не утруждало себя размышлениями об их сущности.

Виша из дома Вельда была старшей дочерью фермерши из Одайны. У Виши были мать, три отца, два брата и тотем сова. Первый отец, собиратель, подарил ей жизнь и погиб, когда Више не было и года. В память о нем девушка окрашивала длинные волосы на затылке в черный цвет и подстригала их в форме ласточкиного хвостика (отец был откуда-то с юга, с той стороны, откуда прилетают по весне ласточки). Второй отец, брохус, подарил ей двух братьев, и стал ее личным наставником после появления Уху. В год его смерти Више было шестнадцать, и она

уже могла похвастать золотистыми ладонями. Третий отец, самый обычный фермер, появился в доме Вельда три года назад; спокойный и трудолюбивый, он легко прижился на ферме, ладил со всеми домочадцами и обожал свою жену. А Мэй Вельда, хозяйка одной из ферм в контадо Одайна, наконец-то наслаждалась покоем и определенностью в его обществе.

Что касается золотистых ладоней, то это был один из старейших обычаев собирателей. Из своих первых походов в Лес они приносили с опушки цветы зверобоя, венчики пижмы, молодые орехи; из этих растений получали очень стойкий краситель золотистого оттенка. В каждом городе у собирателей был свой мастер-татуировщик, он умел делать краску и знал порядок и правила нанесения рисунка на руки избранных. Первые завитки сложного узора делали в центре ладони. Из следующих набегов собиратели приносили молодые ягоды шиповника; из них рисовальщик получал оранжевую краску и продолжал ею узор до нижних фаланг пальцев. Одним словом, чем глубже заходил в Лес собиратель, тем богаче был его узор, тем больше оттенков украшало его ладони. У опытных средние фаланги покрывала прозрачно-красная вязь, сделанная из сока клюквы, растущей на болотах; у самых отчаянных подушечки пальцев были плотного, пульсирующего, красного цвета – они собирали на прогретых солнцем лесных пригорках землянику, ягоду капризную и нежную. Сбирать ее было мучительно и долго, да и опасно. Одним словом, пожимая руку собирателя, можно было легко определить кто перед вами – новичок или матерый волк.

На вишиных ладонях рисунок был достаточно красив и богат, чтобы утереть нос братьям-брохусам. Золотисто-желтые и оранжевые оттенки перетекали один в другой и покрывали всю ладонь, заходя на нижние фаланги пальцев. А ведь собирательство не было ее единственным занятием. Второй отец прекрасно понимал, что собирательство может быть любимым опасным развлечением для девочки с таким характером, но не должно становиться ее единственным занятием. Он подметил интерес падчерицы к истории и настоял на том, чтобы она продолжила образование после окончания обычной школы.

В пятнадцать лет Виша поступила в Высшую Школу при магистрате – это было единственное учебное заведение Одайна, где давали академическое образование и чей диплом был действителен и в других городах. Она успешно закончила начальный курс и легко поступила на факультет истории; выбрать специализацию ей помог ее наставник, профессор Джесхет Ломар, тоже в прошлом собиратель. Это был очень высокий, худой мужчина лет сорока, с резко вырезанным, неподвижным лицом; он очень редко улыбался, никто не видел его смеющимся, но между тем о его шутках – порой весьма мрачных – ходили легенды. Его волк умер от старости лет пять назад, оставив своему избраннику невообразимой красоты татуировку от кончиков пальцев до сгиба локтя, богатый опыт по части пребывания в Лесу и память о посещении мертвого города. Джесхет, утратив тотем, тосковал по Лесу, поэтому поначалу Виша Вельда заинтересовала его как родственная душа, с которой можно провести время, вспоминая Лес. Понятное дело, он зачастую смотрел сквозь пальцы на вишины прогулы (она нередко жертвовала учебой в пользу очередной вылазки) и вообще был более чем снисходителен. Чем Виша без зазрения совести пользовалась.

Однажды так случилось, что Виша Вельда должна была сдать в срок очень скучную и очень важную работу, а время, отведенное на подготовку к ней, предпочла потратить в «Мертвецкой». Явившись на экзамен не выспавшейся, смутно помня свои вчерашние подвиги, Виша все же попыталась хоть как-то вызвать расположение профессора Ломара – не знаниями, так хоть общностью интересов.

Вместо достойного ответа она принялась рассказывать ему о своей последней вылазке и так увлеклась, что незаметно для себя начала привирать – сначала понемножку, потом все очевиднее. Джесхет Ломар слушал, понимающе кивая головой, а потом остановил ее вопросом.

– Виша, вы сказали, что добрались до самых Мхов, и только страх перед трясинной помешал вам собрать ягоды. И вы успели вернуться засветло?

– Не совсем, солнце уже садилось...

– Виша. – Профессор снял узкие черные очки (от дневного света у него уставали глаза) и что-то начеркал в ее личном листке успеваемости. – У вас замечательный тотем, но у него, как, впрочем, и у остальных, есть слабое место. Уху может появиться днем на опушке и немногим дальше – но уж никак не во Мхах. Совы не летают днем. Профессор такое, может быть, и проглотит, но Мхи – вряд ли.

Он протянул ей листок с совершенно незаслуженной положительной оценкой и добавил:

– И в следующий раз будьте осторожнее. Я тоже иногда захоживаю в «Мертвецкую», тамошний бармен такой шутник... никогда не знаешь, чего он намешает в бокал.

Виша встала и, сгорая от стыда, направилась к выходу. Весь оставшийся день и весь вечер она потратила на сочинение покаянного послания. Этому искусству ее научили братья, Тень и День. Обладая фантазией, вкусом и зная техники брохусов, можно было создать картину, сопровождавшуюся музыкой и словами, и переслать ее, минуя обычные коммуникаторы. Получатель обычно бывал застигнут врасплох и тем сильнее было его впечатление от неожиданного видения. Для Джесхета Ломара нерадивая студентка сочинила лесную (как же иначе...) поляну, заросшую ландышами, как могла точно воспроизвела их запах, вместо музыки вспомнила сумеречное дыхание листьев... сопровождать словами это менто она не стала. И так все было понятно. Извинения были приняты, о чем недвусмысленно говорило видение, полученное ею в ответ – лесная тропа, уводящая куда-то в чащу, где было темно, страшно и интересно, с еловых лап падали в траву светляки, и ничто не нарушало шуршащей хвойной тишины.

Безнаказанно обмениваться подобными посланиями было невозможно; и, совершенно случайно столкнувшись вечером следующего дня в музейном хранилище, они довольно долго просидели там над коллекцией недавно переданной магистратской школе по завещанию кого-то из собирателей. В целом школьный музей был небогат, и вся его экспозиция не составляла и одной трети любой частной коллекции, которая, впрочем, на всеобщее обозрение и не выставлялась. Поэтому любому пополнению здесь были рады, особенно Виша, получившая чуть не с первого дня допуск в хранилище. Она проводила там большую часть свободного времени, любовно перебирая осколки прежних времен, сама составляла композиции для тематических выставок... Ходили слухи – впрочем, им мало кто верил – что она даже вытирала там пыль.

– Профессор, вы только гляньте, это же настоящая ручная работа! – и Виша приложила к груди короткое ажурное ожерелье. На фоне слегка загорелой гладкой кожи почерневшие от времени серебряные веточки, усыпанные потускневшими, но все еще блестящими камешками смотрелись неплохо, хотя все остальное – и черная короткая майка, и мешковатый комбинезон, и тяжелые ботинки – особым изяществом не отличалось. Виша вообще не любила, как она говорила, «подарочной упаковки», предпочитая одеваться удобно.

– Мда. Как же ты умудрилась сдать прикладное искусство периода разделения земель?

Джесхет так пристально посмотрел на грудь Виши, что она смутилась и отложила ожерелье.

– Виша, такие цапки на ручную работу тянут примерно так же, как твое прилежание на оценку «отлично». Дешевый сплав. Не лучшие стразы, половина из которых вывалилась еще при жизни первой хозяйки. Да и сам рисунок – ни изящества, ни стиля... – и ученый пренебрежительно фыркнул.

Виша еще успела подумать о том, какой профессор все-таки зануда, когда он взял ее за подбородок.

– Да, Виша, тебе еще очень многому надо учиться. – Сделав такой вывод, он поцеловал ее. Видимо, чтобы закрепить воспитательный эффект.

Спустя неделю после того, как Виша перебралась жить к Джесхету, он предложил своей ученице выбрать редкую и не совсем безопасную специализацию.

– Я давно заметил, что тебя совершенно не интересуют нематериальные аспекты изучения истории. Ты помираешь от скуки, пытаешься запомнить королей какой-нибудь северной династии, а над бусиной из музейного хранилища мурлычешь как сытая кошка. Ты любишь вещи, а они любят тебя. Виша, ты прирожденный реликварий.

– Спасибо на добром слове. Только где же я буду обучаться? Вернее, у кого? Настоящих реликвариюв по пальцам пересчитать, и мало кто вообще их знает. К такому человеку можно попасть только по личной рекомендации... и кто мне такую даст?

– Я. – Джесхет довольно засмеялся, увидев, как расширились от удивления вишины глаза. – Считай, что я тебе ее уже дал. Завтра и начнем.

– Не поняла... чего начнем?

– Учиться, глупая девчонка. Учиться тому, что подобает знать будущему реликварию. Как ты думаешь, почему эльфы так со мной носятся? Никогда не обращала внимания, кто написал раздел по прикладному искусству для последнего переиздания учебника их светила Эредиа? Виша... какая же ты невнимательная. К слову сказать, профессор Эредиа довольно легко признал, что в человеческих бирюльках я разбираюсь лучше, поскольку сам всегда больше тяготел к исследованию утраченных технологий и вообще к истории техники.

– А вы?

– А меня всегда больше занимали люди – как они выглядели, что ели, где жили, во что наряжались... К тому же знание прикладного искусства всегда неплохо оплачивалось – кому же захочется покупать поддельные древности? Все эти наши легенды о покинутых городах, стоящих в неприкосновенности среди Леса, хранящих бесценные свидетельства жизни и былого могущества наших предков... Кому не захочется прикоснуться к памяти? Какая женщина откажется надеть ожерелье, которое украшало шею иремской красавицы? Или заколоть шарф фибулой из Краглы? Да, конечно, можно сделать реплику, но – ты не хуже меня знаешь, какова разница между природным и искусственным алмазом. Мы живем на островках, окруженных враждебным морем Леса, и тешим себя, перебирая осколки своей истории. Добытые такими как ты и я...

После того, как Виша получила доступ к личной библиотеке Ломара, к его коллекции и записям, ей большого труда стоило не бросить обучение на факультете ко всем чертям. Она могла чуть не сутками листать старинные книги – не раз профессор, возвращаясь домой, заставал ее спящей прямо на развернутом фолианте. Все записи, касавшиеся его пребывания в мертвом городе, она выучила наизусть; любой из экспонатов его коллекции могла бы узнать на ощупь. Разумеется, профессор Ломар и слышать не желал о том, что Више жаль тратить время на разглагольствования других учителей.

– Я без того слишком тебе потакаю. Пока не выучишь перечень ратманов Эригона Басно-слового, а не только пауков Миравалей, даже и не думай протягивать ручонки к моим записям.

– Это нечестно! Ну зачем, скажи на милость, запоминать годы правления этих торгашей? На это есть справочник. И потом, что в них такого выдающегося? Все как обычно – управляли городом в пользу своего линьяжа, все как один разводили семейственность, передавали свой пост по наследству, пока не находилась какая ни на есть паршивая овца или просто род не иссякал. Торговали, богатели, процветали. Скучища.

– А тебе все войны и мор подавай.

– Нет, но... вот династии эригонских ювелиров запомнились сами собой. Могу хоть сейчас всех перечислить.

– Давай.

Виша отодвинулась на противоположный край дивана, села, выпрямив спину и положив руки на колени.

– Итак. Семейство Сайрус, работали исключительно на заказ и с самыми богатыми клиентами. Никаких полудрагоценных камней, никакого серебра, жемчуг не меньше горошины и только розовый или черный. Ну, еще радужный, разумеется. Собственно, только Сайрусы с ним и работали. Самые богатые свадебные уборы, коронационные регалии, орденские цепи для высших иерархов, ратманские печати... то, что потом становилось или семейной реликвией, хранимой в сейфе у цвергов, или музейным достоянием, защищенным лучше иного банка. Клеймо – распустившаяся роза, тонко гравированная. Семейство Крэддок. Работали исключительно с орденским и наградным оружием. Рукоятки, гравировка на лезвиях, ножны. Клеймо – трилистник. Секрет их скани утрачен еще до первых лесных войн. Сейчас в коллекциях вряд ли найдется больше десяти подлинных работ этой мастерской. Продолжать?

– Помилуй, ты же только начала.

– Семейство Рилло. Пожалуй, самые утонченные художники среди ювелиров вышли из их дома. Не браковали никакой исходный материал, лишь бы он давал неповторимый эффект. Самые изысканные формы и самые фантазийные сюжеты. Из дошедших до нас – морская коллекция, сделанная для герцогини Арзахельской XII, использованы кораллы, жемчуг, даже перламутр, но при этом никаких камней, также ожерелье из Маноры, сочетающее золотое кружево, черное золото и алмазную крошку. Стоимость материала средняя, а вот сама вещь... Клеймо – ящерица на задних лапках, держащая свой отрезанный хвост. В твоей коллекции есть подвеска работы Рилло. Я могу рассматривать ее часами.

– Только не забывай потом протереть ее замшей и убрать на место.

– Семейство Эльслер. Короли колец. Без обручального кольца от Эльслера жених мог не показываться на порог невестинного дома. Клеймо – летящая голубка. Семейство Моран. Работали только с жемчугом. В качестве клейма использовали черную жемчужину, оправленную в серебро. Изобрели ожерелья-ошейники из нескольких рядов жемчуга, а еще бархотки – за них папаша Моран выгнал своего младшего сына – мол, нечего единство семейного ассортимента нарушать. Нахал младший посмел не утопиться с горя, а основал собственную мастерскую и процвел. Имя, кстати, сменил. Его мастерская – дом Руфус – была самой демократичной в ценовой политике, никогда не опускалась до откровенных дешевок. Незамужние девчонки, которым настоящие драгоценности были не по носу, его просто боготворили. Руфусы делали легкие, веселые вещицы, фирменный элемент – круглые серебряные бубенчики. Клеймо – цветок маргаритки. Семейство Фрихольм. Делали парадную посуду. Серебряные лоханки, сплошь покрытые гравировкой, лебеди, плывущие с бочонком икры в спине, верблюды, несущие груз фруктов и пряностей, и прочая буфетная роскошь. Но попадались вполне художественные вещицы, мне вот нравится молочник в виде коровы. Уютный такой.

– Хочешь, подарю тебе реплику?

– Ненавижу молоко.

– Я тоже. Продолжай. На тройку ты уже набрала, но если желаешь оценку выше...

– Желаю. Тройки магистратским сидельцам ставь. Семейство Арриго занималось глиптикой – резали камеи на многослойных агатах, сердоликах, яшме и сардониксе. Клейма не ставили, все равно так как они не мог никто. Особенно как Луиджи Арриго – он резал геммы на морских раковинах. Судя по описанию в учебнике Эредиа, это было что-то сказочное. Единственная сохранившаяся вещь его работы – светильник, на округленном боку раковины вырезан женский портрет, оживающий при подключении светового элемента. Собственность профессора Эредиа, наследство от отца, боевого генерала. Интересно, сколько он за него заплатил?

– Дорого, малыш. Даже эльфийская военная медицина не всесильна. Особенно если эльф прикрывает не свою задницу, а найденные в упавшем на землю пару столетий назад флюге сокровища. Виша, когда твои глаза так загораются, я готов пересказать тебе хоть всю энциклопедию прикладного искусства... Ладно, слушай. Флюг перевозил коллекцию древностей эригонского ратмана – тогда уже было ясно, что Эригон не выстоит, и первая же атака симбиотов прикроет его лавочку. Ратман, Мейно Мираваль – кстати, его дед совершенно заслуженно вернул ратманский титул в семью, очень толковый был политик, – так вот, Мейно первым делом бросился спасать миравальские сокровища. Он сам управлял флюгом. Жену и детей доверил телохранителю. Что случилось с флюгом Мейно, Эредиа так и не понял. Некогда было.

– А сокровища вытащить успел... – ехидно протянула Виша.

– Они были хорошо упакованы. Мейно взял самое дорогое – хроники тысячелетней давности, фамильные драгоценности, портреты первых Миравалей – подлинники, разумеется, так что все это уместилось в два металлопластиковых ящика.

– И что, генерал Эредиа тащил эти ящики на своем эльфийском горбу?

– Именно так. До своего боевого флюга. Пока дотащил... сама понимаешь, помощников у него не было, до него дотянулись, и не один раз.

– А как же законные наследники миравальских сокровищ? Неужели не пытались вернуть спасенное добро?

– В настоящее время род Миравалей официально считается прерванным. Мейно погиб вместе со своим флюгом. Его жена и дети, равно как и сопровождавший их телохранитель, пропали без вести. Эредиа пытался найти их, но безуспешно. Так что он имел все основания оставить недешево добытые реликвии себе. Так что там с эригонскими ювелирами?

– Эээ... семейство Вальдес работало с янтарем из Краглы. Самое знаменитое их творение – малый будуар второй жены Огмы III, бывшей танцовщицы. Для его создания пришлось опустошить всю янтарную кладовую, но и результат превзошел ожидания. Клеймо – морская звезда. Семейство Кадат изготавливало всевозможные флаконы из хрусталя, крупных драгоценных камней, иногда из цветного пузырчатого стекла. Оправы делали выше всяких похвал. Постоянно рондились с семьями парфюмеров, что неудивительно. Изобрели душистые ожерелья, ввели моду на ароматный янтарь, из-за чего у Вальдесов случился семейное светопреставление. Есть сведения, что дом Кадат изготавливал перстни с потайными емкостями для яда или с выдвигающимися шипами, покрытыми контактным ядом. Разумеется, своего клейма – бабочки и стилизованной «К» – на этих изделиях они не ставили. Все.

– Неплохо.

– И только?!

– Ты не назвала клейма Фрихольмов, забыла, что кроме парадного оружия, Крэдоки делали серебряные погремушки для титулованных младенцев, и на них был не трилистник, а четырехлепестковый клевер, что геммы на морских раковинах делали и до Луиджи Арриго, он достиг вершин в этом искусстве, но не изобретал его. Не упомянула кубки из витых раковин, отшлифованных до слоя перламутра, оправленных в белое золото его же работы (а вот это как раз его личное изобретение). Так что неплохо – и только. Марш за уроки.

Они прожили вместе около года. Для Виши это было счастливое время – она занималась тем, что ей было более всего по душе, если что, всегда могла спрятаться за Джесхета, ее любили и баловали. Однажды осенью она вернулась в Одайн после удачной вылазки в Лес. Не заходя домой, почти вприпрыжку бросилась в мастерскую к татуировщику Гроуги – так не терпелось ей похвастать новым рисунком на ладонях; к счастью, краска из ягод готовилась быстро, и уже через три часа Виша, гордо задрав подбородок, подошла к дому профессора Ломара. Переступив порог, она поняла, что что-то не так. Дом был каким-то огорченным, что ли. Притихшим. Виша прошла в гостиную – вся немногочисленная мебель была на месте, вот только исчезло

несколько картин, однако в кабинете дела обстояли куда хуже. Книжные полки почти полностью опустели, того, что на них осталось, не хватило бы и на библиотечку запасливого первокурсника. Выдвинутые ящики письменного стола тоже были пусты; стенной сейф, где профессор Ломар держал свою коллекцию реликвий, был открыт и, разумеется, тоже пуст. Виша оглядывалась с недоумением, быстро переходящим в испуг. Атмосфера брошенного, разоренного жилья, всего пару недель назад бывшего ей почти домом, действовала более чем угнетающе. Наконец, ей пришлось в голову заглянуть в свою комнату. (Несмотря на общую спальню, Джесхет настоял на том, чтобы занималась Виша отдельно и просто могла уединиться при желании.)

Ее комната осталась не потревоженной; все вещи на своих местах: на широком столе разбросаны кристаллы с записями, в стеклянном запаянном экошаре меланхолично шарится по дну бирюзовая криветочка, предоставленная себе самой на веки вечные, на спинке кресла висит домашняя рубашка в сине-белую клетку, отнятая у Джесхета в первый же вечер после вишиного переезда. На небольшом столике, стоящем у дивана, белеет листок бумаги, придавленный небольшой коробочкой. Виша уже не торопясь взяла записку – на письмо эти торопливо начерканные малопонятным почерком профессора Ломара слова не тянули, и медленно, словно переводя с малознамого языка, прочитала... Он благодарил ее за прожитый вместе год, сообщал, что она может жить в его доме, сколько захочет, что он очень сожалеет, но... разумеется, искать его бесполезно. Они больше не увидятся. Никогда.

Виша села на краешек дивана, смяла в кулаке зашуршавший листок. Потом машинально взяла в руки и открыла коробочку – в гнезде из фиолетового бархата лежала та самая подвеска работы дома Рилло, так полюбившаяся ей. Ажурный, легкий, хранящий дыхание ранней зимы медальон. Схваченные неожиданным морозом цветы, застывшие, припорошенные инеем, похоже на карамель. Переведя дыхание, Виша закрыла коробочку и поставила ее на стол. Это было уже слишком. Она знала, сколько стоит эта вещица, и не намерена была таскать на шее целое состояние. Когда она найдет Джесхета, то выскажет ему все, и – не исключено – кинет в него этой коробочкой... и тут ей показалось, что кто-то сильно ударил ее под колени. Опустив лицо в ладони, Виша опустилась на пол и заплакала.

Неделю она слонялась по пустому дому, не в силах заставить себя выйти хоть на минуту. Ей казалось, что Джесхет вот-вот вернется и этот дурной сон, в котором она обречена ходить из комнаты в комнату, вздрагивая от несуществующих шорохов, прекратится. Он вернется. Вернется. Но при условии, что она никуда не будет выходить. Нелепость подобного убеждения не казалась ей такой уж очевидной, скорее она видела в ней залог успеха. Еду она заказывала через коммуникатор, все остальные каналы связи, работающие на вход, блокировала, днем спала, ночью просматривала свои старые записи, исчерканные Джесхетом, слушала музыку, плакала, бродила по комнатам, опять плакала, рисовала на стенах, что-то ела, опять плакала... Она даже не обратила внимания на то, что куда-то исчезла Уху, ее тотем; признаться, она о ней и не вспоминала. А потом в дверь постучали, она открыла, и на пороге оказался не парень из службы доставки, а ее младшие братья, и на плече одного из них сидела сова. Тень и День никогда не вмешивались в жизнь своей сводной сестры, считая это неприличным и небезопасным. Увидев Вишу, они, не стовариваясь, охнули, переглянулись и ни о каких правилах больше не вспоминали.

Она сидела в углу, поджав под себя босые ноги, и что-то царапала на стене – неровные, ломаные строчки...

*В руки твои попаду
ненароком
стану твоим кратковременным*

*обмороком
саднящей ссадиной
на разбитой коленке
в ладонных впадинах
скользнувшей лентой
Стань моим преждевременным
опытом
настоящего счастья...*

Аккуратно, почти ласково Тень убрал ее убежденность в необходимости домашнего ареста, погасил сопротивление, усыпил самостоятельность. Потом братья быстро помогли ей, мало что соображавшей после манипуляций Тени, собрать вещи, и отвезли сестру к себе. На вахту им было только через три дня, так что они успели как следует поработать с ее разбитым сердцем.

Техники брохусов предполагали ментальный контроль растительных сообществ, однако орден смог добиться некоторых успехов и в диалоге с человеческим сознанием. Эти знания не афишировались и официально не признавались, и даже владеющие методикой работы с людской психикой брохусы старались не практиковать в этой области. Вишины младшие братья не были исключением, просто они очень любили свою сестру. День смог договориться с вишиной памятью, и она убрала с глаз долой сам образ Джесхета Ломара – то, как он выглядел, как звучал его голос, каким было его прикосновение. Тень уравновесил эмоции сестры, сумел направить ее внимание вовне. Это не означало, что Виша все забудет и начнет жить, словно ничего и не было; но мучиться она перестанет. Братья хотели быть спокойными, оставляя ее одну в городе на время своей вахты. Проснувшись через сутки крепкого, спокойного сна Виша поняла, что братья позаботились о ней, как могут только брохусы. Она прислушалась к себе: любовь никуда не делась, чувство потери тоже, но они отступили, смягчились и не напоминали о себе каждую секунду. Можно было жить дальше.

Когда Тень и День отправились в сторожевую башню, оставив Вишу хозяйкой в своей огромной квартире, она собралась с силами и отправила запрос на факультет. В ответ получила холодный приказ явиться к руководству. Виша подозревала, что вряд ли ее встретят с распростертыми объятиями – слишком много хвостов тянулось за ней, да и семестр начался чуть ли не месяц назад, а она не соизволила даже появиться в Школе. Тем не менее, она надела парадную форму (к руководству в рабочем комбинезоне не являются), и пошла. Как выяснилось, не зря. Ректор Высшей Магистратской Школы, на дух не выносивший профессора Джесхета Ломара, зеленеющий от зависти при одной только мысли о его репутации лучшего реликвария в Одаине, не упустил случая отыгаться на его ученице. Више припомнили все – и старое, и новое, и за десять лет вперед авансом. И выгнали с треском, как есть в парадной форме.

Глава вторая. Тяжелый квест

Виша шла, сунув руки в карманы и глядя перед собой невидящими, лихорадочно блестящими глазами; в ее голове, в такт неровным, быстрым шагам, билось одно только слово: «Ненавижу, ненавижу, не-на-ви-жу!!!!..» Полы ее длинного, ярко фиолетового плаща раздувал ветер, одетая так некстати сегодня парадная форменная одежда отсвечивала тусклым серебром, а туго застегнутый высокий воротничок заставлял высоко держать голову, спесиво задрав подбородок. На щеках девушки поблескивали две мокрых дорожки, начинавшиеся где-то в уголках глаз, рот был так крепко сжат, словно вознамерился не выпускать более ни одной улыбки. Она была похожа на мстительного духа, одного из тех, что были изображены в древнем трактате по демонологии... в коллекции ее бывшего учителя были и такие книги.

Когда она свернула в грязный, неосвященный переулочек – конечно, можно было и по чистой и относительно безопасной улице топать, но так было короче, а вишино терпение было на исходе, – от стены отделилась и поползла ей навстречу какая-то тень. Доползти до Виши и тем более сформулировать свои требования тень так и не успела, потому что девушка, прямо скажем, обрадованная преподнесенным ей поводом, окатила ее таким менто, что ей самой даже полегчало на секунду. Безусловно, обучение подобным приемам не входило в программу школы при магистрате, да и собиратели ментальные атаки на людях не практиковали, но вот бродяги имели свои собственные техники и при случае могли ими воспользоваться. И уж чем-чем, а всяческими гадостями младшие вишины братья делились с ней охотно. Тень громко охнула, схватилась за голову и, перемешивая стоны с ругательствами, уползла в темноту подворотни.

Следующим под раздачу попал металлический мусорный контейнер, заполненный под завязку и, как водится, незакрытый. Проходя мимо, Виша со всего маху поддала по нему подкованным носком высокого сапога. Гулкий грохот отрикошетил от кирпичных стен, а потянувшаяся шлейфом густая вонь вызвала в памяти девушки тонкие длинные губы, с видимым удовольствием прожевывающие слова: «Исключить... без права восстановления...» К счастью, контейнеров было два. Второй и подлетел выше, и звучал богаче.

Дойдя до невысокого заборчика, Виша легко перемахнула через него, и очутилась на узкой, но довольно чистой и ярко освещенной улице, вымощенной гладкими черными плитами. Впереди справа шумел небольшой фонтан, изображавший какой-то мудреный механизм; вода в нем, окрашенная в разные цвета, то появлялась, наполняя прозрачные емкости и выливаясь из обрезанных труб в округлую чашу небольшого бассейна, то исчезала в недрах переплетенных металлических кишок. В художественной ценности фонтана Виша всегда сомневалась, но вот в практической – никогда. Ей не раз приходилось окунать чересчур разгоряченные головы приятелей в цветную воду, чтобы вернуть им хоть долю разума; да и ей самой он не раз служил ту же добрую службу. За фонтаном улица круто сворачивала, и сразу за поворотом светилась хорошо знакомая Више вывеска – радостная сине-зеленая физиономия и название – «Мертвецкая». Девушка кивнула сама себе и зашагала к приоткрытым дверям.

В старом городе, кроме «Мертвецкой», было немало заведений, где можно было со вкусом провести время – маленькие уютные бары, подземные танцполы, рестораны, культивирующие изысканную растительную кухню. Одайн, в отличие от своего южного соседа и соперника Эригона, не пострадал от Леса, все военные действия заканчивались в пределах отдаленных пригородов. Сам Одайн не пришлось приспособливать к войне, город сохранил в неприкосновенности свои старые кварталы с их булыжной мостовой, узкими улочками, домами с двускатными крышами и окнами-фонарями. Городское правление, как и сотни лет назад, располагалось в ратуше, Высшая Школа занимала огромный купеческий особняк на Торговой площади, вот только все парки и сады, так украшавшие серые камни Одайны, давно стали воспомина-

нием. На их месте либо строили новые дома, высокие и узкие (была такая мода у архитекторов первых десятилетий после разделения Мира), похожие на шестигранные стержни графита, которыми какой-то великан пытается расчертить небо, либо – если участок земли, освободившийся из-под выжженного сада, был мал, устраивали на нем искусственный водоем. Воду в таких бассейнах окрашивали в яркие цвета, и разводили в них люминесцентных медуз. Когда у этих созданий начинался брачный период (примерно раз в два месяца), они собирались в гирлянды причудливых форм, дрейфовали по ровной глади цветной воды и мерцали. С наступлением холодов медузы опускались на подогреваемое дно бассейна и засыпали, почти погасая. В фонтане рядом с «Мертвецкой» медуз не было, зато жил старый зеркальный карп, глухой и невозмутимый; и когда очередная хмельная голова погружалась в цветную холодную воду, карп встречал ее скучающим взглядом и не спеша отплывал в сторону.

Толкнув дверь, Виша спустилась по трем широким ступенькам и оказалась в мягко освещенном холле, из которого через невысокую арку можно было попасть в зал. За стойкой гардероба дремала пожилая гнома, в углу за круглым столом, размерами похожим на таблетку, сидел хозяин заведения, по совместительству вышибала. Когда он встал, чтобы поприветствовать Вишу и помочь ей снять плащ, то головой почти уперся в потолок.

– Здравствуй, Виша. Ты как всегда вовремя – час назад наши ребята сдали вахту. И сразу ко мне. Я им говорю – вы бы хоть рожи свои сонные умыли.

– Здравствуй, Гиес. Ты за них не переживай, фонтан рядом... умоются.

Виша расстегнула плащ, терпеливо дождалась, пока Гиес деликатно стянет его, стараясь не подметать пол дорогой фиолетовой тканью.

– Держи, Котта, – и хозяин бара передал плащ гардеробщице; вглядевшись внимательно в лицо своей давней знакомой, он пару раз хмыкнул, но все же решился и спросил – А что, сова твоя здорова ли?

– Здорова.

– А как господин Ломар?

– Не знаю, – чересчур резко для равнодушного ответа буркнула Виша.

– А как дела на ферме?

– Отлично.

– Эээ... так что, конец света уже завтра?

– Вполне может быть.

И Виша, считая разговор законченным, направилась к арке.

– Виша! – позвал ее Гиес, а когда она обернулась, сказал, двусмысленно показывая пальцем на горло:

– Ты хомут-то свой ослабь.

– Непременно, – вежливо кивнула в ответ девушка. – У тебя ведь все здесь застраховано?..

В зале «Мертвецкой» было уже достаточнолюдно: вся вахта брохусов в полном составе, с десятков студентов магистратской школы, несколько завсегдатаев. На пока еще скупо освещенной сцене артисты настраивали инструменты, пытаясь выжать из них максимум мощности. Столы, расставленные на возвышении, тянущемся по периметру всей залы, блестели хромом и черной эмалью, в светильниках покачивались люминесцентные нити сине-зеленого цвета. Высокий потолок терялся в темноте; на выкрашенных темно-синей краской стенах висело несколько картин, содержание которых весьма способствовало подавлению избытка веселости, если такой у кого-нибудь появлялся. Виша подошла к барной стойке, расположенной по левую руку от сцены. За ней хозяйничал очень худой и очень длинноволосый человек, родившийся явно не в городских стенах, а в каком-то заброшенном контадо, где не скупилась на дефоли-

анты, и плоды, которые давала земля сразу после обработки, не уничтожали, как на городских фермах, а употребляли в пищу. Впрочем, он последствиями такой неосторожности не тяготился, и вторая пара рук – заметно меньше и слабее, но вполне работоспособных – ему явно пришлась впору.

– Привет, Бриарей. – Виша уселась на высокий табурет. – Какой будет твой диагноз на сегодня?

Бриарей, подняв одну пару рук в знак приветствия, поставил перед ожидающим своей очереди посетителем широкий толстостенный стакан с напитком темно-красного цвета, достал из-под стойки металлическую капсулу, отвинтил крышку и сыпнул щепотку золотистого порошка, растворившегося с едким шипением. Потом аккуратно долил поверх приготовленного пойла чего-то прозрачного и искрящегося и пододвинул стакан клиенту. Тот одобительно кивнул, забрал напиток и удалился.

– Привет, Виша. – Бриарей подошел к девушке, поставил перед нею вазу с мелкими цветными конфетами: снаружи глазурь, внутри шоколад, и то, и другое голая синтетика, но, в общем, вкусно.

– Как ты думаешь, он успеет все выпить или свалится под стол на половине?

– На последней четверти, – авторитетно сказала девушка и кинула в рот зеленую конфету. – Так что насчет меня?

– Не спеши. Быстрый диагноз – скорые похороны. Особенно в моем деле. Девочка, ты просто застала его с какой-то другой дурочкой или все действительно так плохо?

– Меня исключили из магистратской школы. Насовсем. – Помолчав, Виша совсем тихо добавила: – А Джесхет уехал, пару недель назад. Видимо, как-то тоже так... насовсем.

– Понятно. – Бриарей потянулся – той рукой, что подлиннее – к полке, достал высокий, довольно объемный бокал, придирчиво осмотрел его на свет и поставил на стойку. Затем очень быстро налил в шейкер жидкость из двух или трех бутылок, Виша и рассмотреть не успела, из каких именно, встряхнул и сунул в охладитель.

– А как Лес? Ты, помнится, обещалась клюкву принести...

Вместо ответа Виша протянула бармену ладони – на них золотился затейливый узор татуировки, начинавшийся в центре ладони и растекающийся к пальцам и запястьям. На средних фалангах пальцев краснела совсем свежая, прозрачно-красная вязь.

– Молодец. Надо отметить. – И бармен наклонился куда-то глубоко под стойку, поднялся, держа тяжелую пузатую бутылку. Он опрокинул ее над вишиным бокалом, и из липкого на вид горлышка потянулась густая, почти черная жидкость. Налив совсем немного, Бриарей заботливо припрятал бутылку, покрутил бокал в руках, распределяя жидкость по стенкам. Потом достал шейкер, встряхнул еще пару раз и вылил содержимое в подготовленный бокал.

– Бриарей, ты моей смерти хочешь? – довольно засмеялась Виша.

– Пока нет. – Бриарей жестом фокусника выжал в напиток половинку настоящего лимона (от плеснувшего в стороны запаха встрепенулись все сидящие в зале) и пододвинул бокал девушке. – Прошу.

Виша взяла свое лекарство и быстро (терпение кончилось уже минуту назад) отпила большой глоток. Опустив бокал на стойку, она на вдохе втянула в себя воздух:

– Небо мое синее... – и протяжно выдохнула: – Золотая луна...

Бриарей довольно засмеялся, отчего глубокие морщины на его сером лице собрались в причудливые узоры.

– Не знаю как другие, а мои уроки ты помнишь. Ну что, полегчало?

Виша ухмыльнулась, резко дернула воротник-стойку, выпуская наружу белое кружево рубашки, и глотнула еще раз, и еще. После третьего глотка лишним показался не только тугой воротник, но и весь тесный камзол, поэтому Виша, особо не раздумывая, стянула его и швыр-

нула куда-то в сторону. Бриарей поставил перед нею стакан с чистой холодной водой, в которой плавали кубики ядовито голубого льда, и отошел к следующему клиенту.

– А я смотрю, кто это тут форменными камзолами швыряется? Я слышал, тебя можно поздравить?

Девушка резко обернулась, почти дернулась к говорящему – невысокому, худощавому, но довольно плечистому парню лет двадцати, одетому в хорошо знакомую ей униформу брохусов – ядовито оранжевый комбинезон с объемным капюшоном, обычно прикрывающим гладко выбритую голову с металлическими дисками вживленных контактов.

– С чем ты собрался меня поздравлять, Тойво?

– Эээ.. – Тойво немного отодвинулся, явно опасаясь сказать не то. – С новым рисунком, разумеется. Мы по дороге сюда встретили Мастера Гроуги, он сказал, ты приходила к нему позавчера, принесла клюкву со Мхов. Поздравляю, Виша.

– Благодарствую. – Девушка серьезно кивнула, подняла бокал и отпила изрядную порцию. Потом внимательно посмотрела в глаза Тойво, отчего он покраснел и еще немного отодвинулся, необидно засмеялась и сказала: – Отвали, подгузник.

После таких слов парень заалел как маков цвет и возмущенно залепетал:

– Ты не должна была... и вообще, собиратели не могут...

– Не могут, – подтвердил новый посетитель «Мертвецкой», усаживаясь между ним и девушкой. – Но у тебя, парень, все на лбу написано, так что не надо быть даже начинающим брохусом, чтобы прочитывать твои менто. Как говорится, к гадалке не ходи и так все ясно. Вечер, Виша.

– Вечер, альх-Хазред.

Виша поставила бокал, чтобы обнять старого знакомого. Альх-Хазред был флюгером – пилотом, управляющим флюгом, небольшим летательным аппаратом, рассчитанным на двух-трех пассажиров и небольшой груз. Начинал альх-Хазред юнгой на моргенштерне, обслуживающем линию Арзахель – Одайн. Его отец был капитаном моргенштерна, как и его дед, прадед... ну и далее по списку. А в те времена, когда моргенштерны еще не изобрели, предки альх-Хазреда водили корабли; была даже семейная легенда, будто один из пращуров был пиратом. Видимо, его кровь и выиграла в младшем сыне капитана аш-Шаддата. Окончив с отличием летную школу, он мог спокойно выслужиться от юнги до капитана, пройдя все положенные ступени. Однако, честно отработав по несколько месяцев во всех местах огромного летательного аппарата – от нижней складской до верхней технической палубы – альх-Хазред сумел договориться с каким-то нетипично рисковым цвергом и вскладчину с ним купил флюг. Надо сказать, долг цвергу он отдал уже через год самостоятельных полетов. Мало того, что альх-Хазред работал честно, чисто и аккуратно; то самое пиратское наследие предков сделало его не просто пилотом, а настоящим искателем приключений. Он вылетал в любую погоду, в любое место, не особо заботясь о том, куда и как будет садиться, его не пугали даже полеты на небольшой высоте. Альх был красив – уходящей из Обитаемого Мира шаммахитской красотой, сочетающей угольные глаза, бронзовую кожу и невозможно белозубую улыбку, щедр и красноречив; надо ли говорить, что в «Мертвецкой» он был желанным гостем, подобным жаркому солнцу среди обычных сумрачных завсегдатаев.

– Давно в городе? – поинтересовалась Виша, расстегивая последнюю пуговку пышного кружевного ворота рубашки.

– Третий день пошел. – Альх-Хазред допил воду (крепче нее он ничего в рот не брал) и запустил руку в вазочку с конфетами.

– Могла бы и сама догадаться, – покивала Виша. – Усталость рабочую уже смыл, усталость разгульную еще не нагулял. Свеж и бодр как брохус-новобранец. Мои, кстати, сегодня на вахту заступили, так что присмотреть за мной некому... если только ты согласишься... – она смотрела на флюгера как незадолго до этого на выпивку – нетерпеливо и с любопытством.

В ответ альх-Хазред протянул руку и потрепал девушку по коротко остриженной голове.

– Виша, я не самоубийца. Если будет нужно, я засуну тебя в фонтан, донесу до дому, заплачу за тебя... но присматривать за тобой... Благодарю покорно. Лучше золотое масло голыми руками собирать.

Виша засмеялась. Золотым маслом называли ягоды, росшие на деревьях со страшно колючими ветками; даже прирученные, они все-таки сохраняли дурной характер, и собирать их было сущим наказанием. Однако как почти всегда с растениями, игра стоила свеч: выжимки золотого масла превосходно залечивали раны и редко какой бронхит, проходящий процедуру подключения, обходился без этого снадобья. Своим братьям Виша собирала и готовила золотое масло лично.

– Ну и ладно. Но я ловлю тебя на слове – насчет фонтана.

Она встала, потянулась, отчего прозрачная белая блузка вызывающе натянулась на груди, допила бриареево лекарство, поставила стакан на стойку и задумчиво огляделась. Сегодня посетители «Мертвецкой» не торопились сделать вечер запоминающимся; сдавшие вахту бронхиты сидели за двумя столами и всю резвились с творениями барменского гения, меняясь бокалами. Из других знакомых Виша заметила только нескольких старшекурсников-химиков и компанию техников, обслуживающих информационный центр магистрата. На какое-то время ее внимание привлекли сидевшие в отдалении под самой мрачной картиной эльфы – двое военных, затянутых в лиловые мундиры с серебряными оплечьями. Она даже сделала несколько шагов в их направлении. Но, поскольку о неспособности эльфов радоваться жизни ходили легенды – говорили, что на пике веселья эльф обычно поет походный марш, – Виша не сочла их достойными внимания и, резко развернувшись, направилась напрямик к музыкантам, которые все никак не могли собраться и выдать хоть что-то, похожее на музыку.

Подойдя к солисту, терзавшему допотопного вида струнный инструмент, формой похожий на до неприличия крутобедрую женщину, Виша отстранила микрофон и зашептала музыканту на ухо. Судя по выражению его лица, что-то весьма интересное. Да и сам певец был примечателен: как и полагается гному, невысокий и плечистый, и как совсем не полагается гному, гладко выбритый. Недостаток волос на подбородке компенсировался темно-рыжей шевелюрой, заплетенной в толстые жгуты. На лице гнома выделялись узкая полоска красных зеркальных очков, полностью закрывавших глаза, и невозможно большой рот, в который, как говорили, певец мог запихать оба своих гномьих кулака. Чем и заслужил свое прозвище Маульташ, Рот-Комод. Альх-Хазред, с любопытством наблюдавший вишины передвижения, понимающе покачал головой: устоять перед девушкой было невозможно. Невысокая, ладная, одетая в туго обтягивающие брюки, перехваченные в талии форменным серебряным поясом, и блузку, расстегнутый кружевной воротник которой лежал белой пеной вокруг стройной тонкой шеи, она была похожа на школьницу, удравшую с уроков. Короткие волосы Виши были серебристо-пепельными, и только хвостик, спускавшийся от затылка и ниже лопаток, был глянцево-черным и раздвоенным. Все шальные духи выпитого снадобья выглядывали из вишиных глаз, и иногда казалось, что еще немного – и кончики ее длинных пушистых ресниц вспыхнут.

Маульташ выслушал все, что Виша сочла нужным нашептать ему в ухо, улыбаясь (при этом он перестал петь, играть и совсем смял и без того нестройное выступление) и только последними ее словами он чуть не подавился. Поразмыслив не более двух-трех секунд, он отложил в сторону крутобедрый инструмент, и, махнув рукой, подозвал друзей. Виша отошла в сторону и села за ближайший столик, к знакомым бронхитам. Там она приняла эстафету обмена бокалами и перестала обращать на сцену внимание. А музыканты, посоветовавшись и обмениваясь отчаянно-веселыми взглядами, вернулись на места. Певец же, поглядев в потолок и не найдя там ни поддержки, ни опровержения, вытащил из кармана губную гармошку и принялся нажаривать на ней так, что любо-дорого, а когда разудалый мотив подхватили и повели музыканты, запел. Причем никто из присутствующих не ожидал услышать

такого – только что звучавший хорошо поставленный, но вполне обыкновенный голос стало выворачивать на то разбойничьи, хищные, то глумливые, шутовские интонации... и к тому же язык у певца поворачивался выдавать такой текст, что заинтересовались даже эльфы. За первой песней последовала вторая, потом третья...

*Старая бабка,
На что ты похожа?!
Сиськи обвисли
И сморщилась рожка,
Волосы будто
Гнездовье седое,
Страшно подумать
Про остальное!..
Вот что, сопляк,
Ты язык придержи-ка!
Я ведь горячей была
Как аджика,
Смолоду времени
Зря не теряла,
Много любила
И щедро давала!
А у тебя?! Нет ни шлюх,
Ни подружек,
Видно, ни тем, ни другим
Ты не нужен.
И – докажи мне,
Что это не так! —
Любит тебя
Только правый кулак!..*

Усидеть на месте становилось уже невозможно. Вскоре пространство вокруг сцены оказалось заполнено танцующими; за столами остались только эльфы (впрочем, один из них вполне заметно притоптывал в такт, а второй подпевал) и те, кому бриареевы творения спеленали ноги.

– Что ты с ним сделала? – поинтересовался флюгер, подхватывая Вишу.

– Я попросила его спеть те песни, после которых его выгнали из консерватории Арзахеля. Мне про него братья рассказывали. – Виша вывернулась из рук флюгера и продолжила танцевать, почти вплотную прижавшись к недавно отвергнутому «подгузнику». Совсем ошалевший от такой невиданной милости брохус не знал, куда ему девать руки – туда, куда хотелось, он боялся... а над головой держать утомительно.

– А что ты ему посулила в награду? – не унимался альх-Хазред, наклоняясь к Више.

– Сказала, что... – ответ девушки утонул в грохоте – это, выполняя вишино пророчество, свалился под стол один из почитателей таланта Бриарея, свалился эффектно, прихватив с собой почти всю посуду со стола (хромированные металлические бокалы в сочетании с каменным полом составили неплохую конкуренцию музыке) и запутавшись ногами в стуле.

И в который раз Виша убедилась в том, что, попросив у мающего от тоски мужчины чего-то артистично-неприличного, хулиганского, она оказалась в выигрыше. Музыканты вошли в раж и завели дремавшую публику «Мертвецкой» так, что мало не казалось даже им самим. Певец уже не перебирал лениво струны, а выдавал песни одна другой чуднее, швыряя в глотку кружки пенящегося грибного чая. От такой порции хмельного многие уже бы и пер-

вой строчки детской песенки не связали, но у него, судя по всему, была неплохая закалка. Он только утирал пот, градом катившийся по лбу, и продолжал петь. Его песни, которые Виша впервые услышала, придя в гости к братьям, когда те отмечали завершение своей первой вахты, были сегодня как нельзя кстати. Еще тогда она отметила для себя их особенность — при всей их вызывающей незамысловатости, какой-то подростковой наивной глумливости, они почти мгновенно завладевали вниманием слушателя и любое его настроение превращали в удобное себе, безбашенное и отвязное. Когда Више случалось засидеться сверх меры за скучными уроками, или серьезно с кем-то поссориться и начать терзаться угрызениями совести, она загружала в свой коммуникатор записи тех самых песен, героями которых были похотливые эльфы, пьяницы-гномы, сумасшедшие ученые и веселые шлюхи. И когда этот беспардонный карнавал, который вел за собой Маульташ по прозвищу Рот-Комод, накрывал ее с головой, она забывала обо всех печалях и неудачах. Так что сегодня это было то, что доктор прописал.

Ведь еще никогда Више не было так плохо.

Кроме глумливых песен, она еще очень любила танцы. Не сказать, чтобы очень уж умела танцевать, но в таких местах как «Мертвецкая» это не суть важно, да и не всегда кстати. Одна из вишиных сокурсниц закончила балетную школу в Арзахеле. И что? Осанка у нее, конечно, была что надо, шея не гнулась вообще, но как только дело касалось того, чтобы просто пойти и поплясать без претензий на аплодисменты, все ее мастерство тут же и заканчивалось. А Виша ничему такому специально не училась (если не считать пары месяцев, когда ее соседкой по квартире была стриптизерша — иногда она репетировала свои закидоны прямо в кухне и Виша частенько ей подражала), но вот ее умению радоваться можно было позавидовать. Поэтому сейчас, когда оглушенные алкоголем кошки перестали точить когти об ее душу, тоска взмыла до небес и обернулась развеселым отчаянием, танец оказался именно тем, что надо — возможностью выразить все, ни о чем не думая и ничего не боясь.

Виша танцевала так, что альх-Хазреду пришлось отпихивать от нее чересчур назойливых поклонников, хотя сам он, давший однажды слово не принимать во внимание подруг своих заказчиков (а Джесхет Ломар был одним из первых, поверивших в счастливую звезду пилота), с трудом удерживался от желания нарушить это незыблемое правило. Что касается Тойво, то он двигался уже в каком-то трансе, не отрывая от девушки горящих звериных глаз.

А Виша несомненно нарывалась. Альх-Хазреда она оставила в покое, но вот Тойво ее очарования доставалось даже с избытком. Руки его уже давно были именно там, где ему хотелось, и то крепко обнимали девушку, то гладили ее спину и бедра; Виша стянула с брохуса капюшон и расстегнула форменный комбинезон почти до пояса. И будто этого было мало, она доверчиво-бесстыдно раскрыла свое сознание, так что Тойво без труда мог прочесть ее менто. Как оказалось, они были настолько сильными, что прочел их не он один.

— Эй, малец, подвинься. Такая девочка не про тебя.

Бросив эти слова, один из брохусов резко оттолкнул Тойво и властно положил руку на плечо Виши.

— Ты ведь пойдешь со мной, Виша? — это прозвучало не вопросом. Брохус отдал приказ, как если бы девушка была деревцем, которому надо привить покладистый характер. — Ты пойдешь со мной.

Оглушенному алкоголем, уязвимому сознанию Виши этого хватило. Она потянулась к новому хозяину, прижалась к нему, улыбаясь и жмурясь как неразборчивая кошка. Она знала его — Гэлвин был одним из самых старых брохусов, ему было больше двадцати пяти. Возможно, именно это сделало его еще более неприятным, чем он был от природы; Гэлвин без зазрения совести пользовался своими способностями помимо вахт, не раз бывал уличен в нечестной игре и вымогательстве. Конечно, брохусы не просто высоко ценились в любом городе Обитаемого Мира, прямо сказать, они были бесценны и, как следствие, ни в чем не нуждались,

имея все, что душе угодно: неслыханные заработки, прямой доступ в любые общественные заведения и здания, бесплатное и свободное перемещение на моргенштернах, третью долю в принесенном собирателями из Леса... Одним словом все, кроме человеческих чувств. Не то, чтобы существовали какие-то законы, запрещающие брохусам практиковать на людях; просто в самом Ордене это считалось настолько дурным тоном, что редко кому приходило в голову обращаться с себе подобными как с растениями. Так что если не считать нескольких стычек с озверевшими от гарнизонной скуки эльфами (надо сказать, остроухие брохусов ненавидели, как одну из причин, по которой не начиналась последняя битва, ожидаемая ими вот уже сотню лет) брохусы были мирными людьми.

Но в семье, как водится, не без уroda; вот и Гэлвин был неприятным исключением. Шельмовал и вытягивал деньги он скорее от злобной тоски и желания напакоstitь. И хотя он отличался довольно приятной, гладкой наружностью, взгляд его светлых пустых глаз не согревал и не прикосновения не радовали, так что несколько раз он пытался добиться благосклонности девушек посредством менто-приказов. Может, на ком-то и срабатывало, но с Вишей брохусу явно не повезло. Когда он попытался пару месяцев назад заполучить ее здесь же, в «Мертвецкой», она ответила ему самым оскорбительным менто, какому только научили ее предусмотрительные братья, да еще и оплеуху отвесила. Так что сегодня Гэлвин получил заслуженный реванш.

Однако долгого торжества у него не получилось. Неизвестно, насколько серьезными были планы Тойво насчет Виши, но самолюбие его было не в отпуске и к всепрощению он наклонностей не имел.

– Положи на место. – Услышав это, альх-Хазред, несмотря на действительную серьезность случая, приснул. – Не твое.

– Твое, что ли? – Гэлвин издевательски притянул к себе ничего не соображающую Вишу.

– И не мое. – Тойво стоял напротив Гэлвина, все еще в расстегнутом комбинезоне, тяжело дыша. – Это не вещь.

– Измельчала молодежь. – Гэлвин с издевательским сожалением покачал головой. – Дожились, в кабаке морали читаем. В мое время за такое...

Договорить он не успел, поскольку Тойво сделал именно то, что делали и в его время тоже – со всего размаху врезал Гэлвину в ухо. Уже через несколько секунд вокруг двух брохусов образовалась пустота.

Музыканты, почуяв неладное, стихли. Альх-Хазред, тихо проклиная свое решение зайти именно в «Мертвецкую», вытянул все еще ничего не соображающую Вишу из-под руки уже забывшего про нее Гэлвина и спрятал девушку себе за спину. А заглянувший в зал хозяин, привлеченный неожиданной тишиной, коротко сообщил самому себе:

– Как в воду глядела, – и, зайдя внутрь, поудобнее устроился за барной стойкой. Драка брохусов – такое случается реже, чем конец света.

Гэлвин вытер испарину со лба и оценивающе прищурился. Размышлял он недолго, и руками размахивать не стал – брохусу это было как-то не к лицу, его сила не в мышцах. Если им и случалось подраться, то не с помощью тумачков и оплеух.

Несведущему могло показаться со стороны, что противники просто стоят, глядя друг на друга пустыми глазами. А они прощупывали – причем делая это как можно более болезненно – сознание соперника, выискивая слабые места. Первым атаковал Гэлвин; его удар заставил Тойво пошатнуться и обхватить голову руками. Но уже через несколько секунд он ответил, и тоже неслабо. Публика на всякий случай отошла подальше, ибо словить сорвавшееся у дерущегося брохуса менто не улыбалось никому.

Пришедшая в себя Виша осторожно выглянула из-за спины пилота. Брохусы уже не обменивались ударами по очереди, ментальные атаки шли одна за другой, без перерыва. Поле агрессии окружало их подобно сфере, светящейся нехорошим, неровным светом; воздух в пределах

этой сферы заметно вибрировал; а сами брохусы уже ничего вокруг не видели и не слышали. Они левитировали в полуметре от пола, то выгибаясь в жестоких судорогах – если удар противника оказывался особенно точным, то застывая в минутном напряжении, накапливая силы для атаки.

– Не понимаю... – как-то разочарованно протянул стоящий рядом с Вишей молодой брохус. – А! Вот оно!

В этот момент Гэлвину удалось пробить защиту соперника. Тойво упал на пол, словно сметенный ударной волной. Виша охнула и альх-Хазреду пришлось придержать ее на месте, чтобы эта дуреха не бросилась на помощь обиженному.

Тойво поднялся сам; пошатнулся, но устоял на ногах; его обычно беспокойные и веселые глаза, освещавшие некрасивое лицо, были прищурены, как у насмерть обозленного хищника. Гэлвин издевательски вздернул юношу в воздух, как тряпичную куклу, словно намереваясь повторить сладкий миг победы. Однако второго раза не получилось. Тойво, которому, судя по всему, надоело сдерживать себя, соединил ладони за головой, с усилием развел их – в его правой руке дрожал тугий жгут золотого света. Брохус размахнулся и хлестнул.

– Наконец-то, решился – откомментировал вишин сосед. – Не повезло Гэлвину. Тойво самый лучший в отряде карателей.

– Тойво?! – изумилась Виша.

– Ну да, – подтвердил брохус. – Поэтому и осторожничал. Хороший он парень, скромный. Не выпендривается, хотя мог бы. Ну все, Гэлвину можно бронировать больничную палату с мягкими стенами. Тойво ему сейчас внутричерепной салат сделает...

Но Тойво был действительно лучшим; наказывая, он не позволял себе распускаться, упиваясь собственными силами, держал в руках и себя, и свои смертоносные менто. Он не стал добивать упавшего противника, свернул золотой кнут и опустился на пол. Гэлвина оттащили подальше, уложили на обитый черной кожей диван у стены, кто-то сердобольный положил ему на лоб пакет колотого льда – и оставили приходить в себя, с дикой головной болью, поверженным самолюбием, но, по крайней мере, в здравом уме и твердой памяти. Могло быть гораздо хуже, разреши Тойво себе удар-другой действительно посильнее, из тех, что превращают воинов Леса в бессильно лепечущую луговую траву. До брохуса дошло, как же по-дурацки он выглядел... и его самочувствия это не улучшило.

А Тойво огляделся, нашел Вишу, поглядывающую на него с явным интересом, и протянул ей руку. А когда девушка подошла, с неожиданной хулиганской ухмылкой подхватил ее и подбросил. И не дал опуститься. Вообще-то, левитация не была непривычна Више, в Лесу эта способность не раз ее выручала. Так что она не стала визжать и махать руками. Девушка хлопнула в ладоши и кивнула музыкантам. Те только этого и ждали.

– Ну все, понеслось. – Сообщил Гиес Бриарею. – Ты посмотри, вся вахта зависла. А поутру ползком... летуны.

– Хороший вечер, Гиес, – отозвался бармен. – Все, как полагается: и драка, и музыка что надо, и разгул такой, что еще месяц вспоминать будем. Ты смотри, что творят...

А посмотреть было на что. Брохусы, забыв про усталость трехнедельной вахты, танцевали то на полу, то под самым потолком, поднимаясь и опускаясь как сгустки разогретого воска в волшебном фонаре. Люди не отставали и даже эльфы – кто бы поверил! – присоединились к всеобщему веселью. Музыканты, честь им и хвала, не позволяли накалу страстей ослабеть, и певец, сознавая, что такой звездный час может не повториться никогда, спешил раздать все, что было накоплено, выстрадано, вышучено...

*Посмейся надо мной. Я так нелеп,
Что хочется заплакать.
На склоне лет, в лохмотьях бед твой смех —*

*Не худшая заплата
Насмешки милой терпкий вкус
Мне тешит душу.
И клянусь – тобою преданный союз
Я не нарушу
Тебя любить – тяжелый квест:
Вранье, интриги...
Как только мне не надоест,
Шанс на успех не больше фиги
Кладу в приманку леденец
И ставлю сети.
Самонадеянный птенец, ты попадешься – и птенец...
За все ответишь!*

Виша не очень хорошо помнила, как снова оказалась за барной стойкой. Кажется, это альх-Хазред отвел ее сюда, усадил и о чем-то попросил Бриарей. Во всяком случае, перед девушкой вскоре оказался бокал с ледяной водой. Отпив, Виша поперхнулась и почувствовала себя несказанно оскорбленной.

– Эй! Бриарей, ты издеваешься?! Ты бы мне еще молока налил!

– Виша, не вопи. Ты здесь не одна. Вот закончу с господином эльфом, и займусь тобой.

Бриарей сосредоточенно смешивал напиток, стараясь, чтобы цвет его был в точности как мундир эльфа. Добившись, наконец, невозможного сходства, он с вежливым поклоном подал бокал офицеру и повернулся к Више.

– Так, теперь ты. Крепче того, что у тебя уже есть, сегодня не получишь. Я бармен, а не убийца. Во всяком случае, не сейчас. – С этими словами Бриарей отошел на противоположный конец стойки, явно не желая продолжать беседу.

От такого афронта Виша даже дар речи потеряла; потом, пытаясь справиться с жаждой, выпила немного воды, но ее жажда была явно не того порядка, что утолялся этим напитком.

– Что, не помогает? – сочувственно осведомился эльф, откидывая за спину белоснежные, тяжелые, обрезанные на уровне лопаток волосы. В сине-голубом освещении блеснули серебряные, усыпанные алмазной крошкой цепочки, прошнуровавшие ушные раковины от мочек до острых кончиков, закрытых наконечниками.

– Не-а, – и Виша уныло посмотрела в свой бокал. – Не больше чем припарки покойнику.

– Может, мой вариант вам больше подойдет? – и, не глядя в ее сторону, эльф придвинул стакан с лиловым, даже на вид жутковатым питьем. – Не могу смотреть, как человеку мешают достичь предела падения.

– Любите наблюдать последствия? – поинтересовалась девушка, надолго припадая к стакану.

– И не только. Участвовать тоже. Благодарствую, – и эльф одним махом допил великодушно оставленную Вишей половину. – Я Иво.

– Я Виша. А приятеля вашего как зовут?

– Которого? – и эльф, сощутив серебристые глаза, оглянулся на того, что танцевал в глубине зала.

– Того, что рядом с вами, разумеется.

– Эээ... – Иво растерянно посмотрел в сторону. – Похоже, бармен был прав. Нас тут двое, вы и я.

– Ну да, и еще твой приятель, – лучезарно улыбнулась Виша, переходя на ты, что было несколько рискованно в общении с эльфами, все еще соблюдавшими определенные условно-

сти. – Он как хочет, а тебя я забираю потанцевать. Пошли? – она встала и протянула руку эльфу. А потом вдруг резко, без предупреждений наклонилась и очень нежно поцеловала его.

– Позор и неделя гауптвахты, – вставая, сам себе сообщил Иво, растягивая в довольной улыбке тонкие губы. – Как же я этого ждал... Идем, Виша.

Как оказалось, Иво был неплохим танцором, но вот левитация ему не давалась. Поэтому вскоре Виша без зазрения совести бросила его, но возвращаться к Тойво не стала, поскольку намерения брохуса становились все серьезнее и серьезнее. А вскоре и певец, оставив своих музыкантов играть одних, подошел к ней, чтобы потребовать обещанного в самом начале вечера. В результате Виша, уже плохо соображавшая, спряталась в единственном месте, куда эти трое не рискнули бы войти.

Здесь было тихо и довольно холодно; с потолка на витых шнурах свисали круглые белые лампы, в огромном, во всю стену, зеркале отражались темно-синие двери кабинок; один из крапов подтекал, и его мерное кап-кап отражалось эхом от хромированной раковины. Виша открыла воду, попыталась наклониться, чтобы охладить пылающий лоб, и потеряла равновесие.

Сидя под раковиной на черном каменном полу, сжимая голову руками, не давая ей расколоться на куски, девушка отчаянно пыталась понять – где она, что она здесь делает, давно ли и с какими последствиями... Хвала богам, она еще помнила, как ее зовут.

– Каким именно?

– Что?!.. – простонала Виша, с трудом поднимая голову на голос.

– Я спросила, каким богам ты воздаешь хвалу? – голос был дружелюбный и сочувственный.

– Какие боги, подруга?.. – Виша пыталась разглядеть спрашивавшую. Сквозь муть жуткого опьянения она смогла увидеть только то, что она невысокая, одета во что-то черное, кажется, светловолосая. – Кто здесь еще верит в богов?!..

– Это не важно. – Голос приблизился и Виша ощутила тонкий, горьковатый аромат весенних цветов. – Главное, что мы в вас еще верим. Давай-ка, поднимайся, а то отморозишь себе... центр тяжести. Давай руку...

Виша ухватилась за протянутую ей руку, со стоном выпрямилась и схватилась за раковину. Это оказалось непросто, потому что раковина отказывалась хвататься и норовила уплыть вдаль, двигаясь по какой-то тошнотворной кривой. Пол тоже вел себя не лучше, раскачиваясь и меняя цвет. На потолок Виша смотреть не решалась.

– Ну ты и надралась... – с уважением и сочувствием констатировала неизвестная. – Не уследил за тобой альх-Хазред. Куда теперь?

– Туда, – Виша махнула рукой в сторону кабинки. – И смой хорошенько, ладно?

– Ну уж нет, – тихо засмеялась светловолосая, – у меня другие планы. Давай так: обману-тых тобой я беру на себя, а ты вместе с альх-Хазредом уходишь потихоньку. Фонтан на старом месте, окунись, глядишь и полегчает. Ну как, идет?

– А-а-а...

– Значит, идет. Ну, пошли.

Виша была настолько не в себе, что даже не поинтересовалась, откуда это незнакомка знает, как ее зовут. И – вот чудо! – стоило ей открыть дверь и шагнуть в зал, как мучившие ее тошнота, головокружение, головная боль исчезли, будто и не было у Виши в желудке бриареевых снадобий в совершенно непотребном сочетании. Несказанно обрадованная этим, она встряхнулась, как кошка после дождя, и как-то сразу передумала окунаться в фонтан. Вместо этого девушка направилась вглубь залы, покусывая в предвкушении губы.

– Я так и знала... – прошелестело еле слышно над ее ухом, и тихий смех просыпался девушке за шиворот. – Ну, держись...

Что произошло потом, сама Виша объяснить не смогла. Будто ее встряхнули и расправили как перчаточную куклу, и наполнили силой и легкостью; она осталась собой, Вишей из дома Вельда, с которой кто-то неведомый поделился так щедро, что девушка ощутила чужие способности как свои собственные. И не преминула ими воспользоваться. То, что она вытворала в ту ночь в «Мертвецкой», вспоминали еще очень долго...

* * *

Как она ни пыталась удержаться на колеблющейся поверхности сна, его слабеющие волны подталкивали ее, настойчиво и мягко, к тверди пробуждения. Со вздохом сожаления Виша вынырнула, открыла глаза, поморгала, фокусируя взгляд, повернулась на другой бок, и замерла – в постели она была не одна. На самом краю, свернувшись калачиком, мерно посапывал брохус. На его висках и у основания черепа матово отсвечивали металлические диски, на худой спине выступали позвонки, как узлы на веревке. Виша попыталась вспомнить... и тут же отказалась от этого занятия, ибо память возмущенно отвергла любые усилия. Девушка тихо встала, опустила ноги на пол – а там, вповалку, спали флюгер и эльф. Виша икнула и поджала ноги под себя.

В этот момент дверь бесшумно открылась. На пороге, пошатываясь, с полузакрытыми глазами и блуждающей сонной улыбкой на лице стоял еще один эльф. Абсолютно голый. Наготу его скрадывали разве что только усы, переходящие в недлинную бородку, заплетенную в две косички, перевитые узкой металлической лентой, да еще поблескивали серебряные наконечники на острых ушах. Виша сжалась в комок и потянула на себя одеяло. Эльф сделал пару шагов и мягко рухнул на пол; через минуту он уже спал, крепко и безмятежно.

Какое-то время Виша едва осмеливалась дышать, вжимаясь в кровать. Но воздух под одеялом закончился, и ей пришлось вылезать. Выставив голову, она осторожно огляделась, прислушалась – вроде как все спали... терпеть же сил уже просто не было. Виша собралась с духом, откинула одеяло, поднялась на ноги, перешагнула через флюгера, по стеночке прошла мимо эльфа, открыла дверь и, облегченно переводя дыхание, вышла из комнаты. И только тут до нее дошло, что это не ее квартира. Особо раздумывать над этим она не стала – некогда было, и поспешила найти туалет.

Плотно закрыв дверь, Виша покидала на пол белье и забралась в душ. Тугие горячие струи воды брызнули со всех сторон, пощипывая приходящее в себя тело. Девушка собралась с духом и резко повернула кран с холодной водой; потом с горячей, потом снова с холодной. Через пять минут подобных упражнений она снова была в состоянии разговаривать, есть, пить, ходить и отвечать за себя. Она совсем уже собралась выйти и отправиться на поиски какой-нибудь еды, как дверца душевой скользнула в сторону, и в облако водяного пара вошел брохус. Словно не замечая оторопевшей девушки, он переключил душ так, что все струи собрались наверху и окутали его теплым дождем. Все так же молча, он протянул руку, обнял Вишу и притянул ее к себе.

– Напугалась? – тихо спросил брохус.

– А что было-то? – Виша сморгнула капли воды и рискнула заглянуть Тойво в глаза. А он их так и не открыл. Так и стоял, зажмурившись, крепко прижимая к себе девушку.

– Ничего особенного. Ты поставила на уши всю «Мертвецкую», – он прикоснулся губами к ее виску, – налеталась до того, что рухнула бы из-под потолка на пол, если бы Иво тебя не поймал, – Тойво перевел дыхание, – и потом...

– Что?!.. – представив себе спящую в комнате компанию и свою теперешнюю репутацию, Виша похолодела.

– Ничего. – Тойво чуть отстранился. – Не пытайся вспоминать, ничего не было. Я только позволил себе снять с тебя сапоги и пояс.

– А чей это дом?

– Мой. Так что не стесняйся... – брохус по-прежнему не открывал глаз, будто спал и не желал просыпаться. Капли воды разбивались о его голый череп, стекали по спокойному, некрасивому лицу, задерживались на вживленных металлических дисках, повисали на темных слипшихся ресницах. Виша смотрела на него и с трудом могла поверить в то, что этот худой, совсем еще молодой брохус – каратель, один из тех, о ком сами брохусы рассказывают легенды... Что-нибудь вроде того, как один парень взглядом выжигает акры Леса. Тойво дышал медленно, размеренно, будто и вправду спал.

И вдруг Више стало так одиноко, так тоскливо, словно не осталось на земле ни одного человека, что любил бы ее и помнил о ней. Она прижалась к брохусу, спасаясь от вновь вернувшегося к ней понимания – не будет больше так, как было раньше. Не будет Высшей Школы с гарантированным дипломом, не будет музея, не будет работы реликвария, не будет Джесхета... все закончилось враз, без предупреждений и снисхождения. Не закончив прежних дел, не получив признания, она была отброшена в начало пути.

Если бы не Тойво, неизвестно, на что бы она решилась. Может, отравила бы воду в бассейне у ректорского особняка, ибо было чем. А может, отправилась бы искать Джесхета – как иголку в стогу сена.

...Тойво целовал вишины закрытые глаза и распутывал ее мысли так осторожно, что поначалу она даже не почувствовала его прикосновений; легко и безболезненно гасил тоску и обиды, словно вытаскивал занозы. Брохус успокаивал хаос ее сознания как плачущего ребенка. Виша не стала сопротивляться – кто же отказывается от обезболивающего? Теплая вода струилась по вишиным волосам, по спине... и точно так же ее распутанные, успокоенные мысли струились сквозь пальцы Тойво, и вся печаль стекала, уходила... Виша целовала губы Тойво – обветренные, искусанные как у подростка, гладила влажную спину, запинаясь пальцами на закрытых разъемах системы жизнеобеспечения, чувствовала его прерывистое, горячее дыхание у себя на шее и это было хорошо. Тойво, сам не веря своему счастью, пытался быть настолько нежным, насколько это было возможно для такого как он; и это было очень хорошо.

Брохус проглотил взрыв ее отчаяния, спрятал от горя за теплыми струями воды. И пока он любил ее, Виша не чувствовала себя, не помнила о себе, и не было в те минуты ни боли, ни печали.

Когда Виша вернулась в реальный мир, то оказалось, что вода в душе уже выключена, а сама она, закутанная в огромное пушистое полотенце, сидит в низком круглом кресле, и больше никого, кроме нее, в ванной комнате нет. Девушка еще немного посидела, потом встала, оделась, расчесала почти сухие волосы, заблестевшие молодым серебром, и отправилась искать кухню. Ей было одновременно легко и как-то не по себе – она не любила новых мужчин уже целый год, с тех самых пор, как стала ученицей Джесхета Ломара и поселилась в его доме, к тому же с брохусами у нее до сегодняшнего дня тоже не получалось. Конечно, можно было принять случившееся как акт милосердия... или как терапию... или вообще решить для себя, что Тойво так и не проснулся и она была его предутренным сном.

В кухне за большим столом сидели все те, кого Виша видела спящими вповалку на полу спальни. На черной стеклянной столешнице тускло светились фарфоровые чашки, судя по рисунку, достойные любой музейной коллекции, голограмма окна демонстрировала чистое синее небо и стайку резвящихся бабочек, которые по прихоти программы иногда превращались в пестрых рыбок. Из недр холодильного шкафа вынырнул Тойво.

– Увы, – он поежился, закрывая шкаф, – пусто. Я же только вчера с вахты.

– Ничего, не стоит беспокойства, – подал голос один из эльфов, не знакомый Више Иво, а другой, любитель спать голышом. – Это утро не так уж и нуждается в еде.

– Скорее в выпивке... – усмехнулся его собрат.

– Не надо... – с чувством попросила Виша, усаживаясь в легкое кресло. – Шиповничка бы...

– Пожалуйста, – брохус достал из шкафа плотно закрытую стеклянную банку, в которой краснели чуть сморщенные сухие ягоды. – Сама заваришь или тебе помочь?

– Помочь. Не ровен час, ошпарю кого-нибудь.

Потом они все молча пили шиповниковый отвар, рассматривая кто чашки, кто птицерыбок, кто соседей по столу. Первым не выдержал флюгер.

– Я надеюсь, все достаточно пришли в себя, чтобы обсудить наш заказ, как говаривал мой папаша, когда переключал меня с коммуникаторных игрушек на управление флюгером.

– Какой заказ? – переспросила Виша, отрываясь от чашки.

– Наш, общий. Пока вы там развлекались, кто во что горазд, я обсудил все условия и принял задаток.

На флюгера уставились четыре пары удивленных глаз.

– Это ты о чем, Альх? – первой спросила Виша.

– Что, неужели совсем ничего не помните?! – в глазах флюгера промелькнуло что-то, похожее на зависть. – Хотя она предупредила меня, что переговорила со всеми вами, но после такого разгула некоторые провалы в памяти вполне возможны.

– То есть ты хочешь сказать, что вчера мы заключили с кем-то некий договор, а потом напились до перерыва в жизнеописании и теперь совсем ничего не помним? – недоверчиво спросил Иво.

– Ну хоть что-то вы должны помнить, – не менее недоверчиво ответил флюгер. – Договаривалась с нами молодая женщина, я вот только имя ее никак не могу вспомнить... с короткими светлыми волосами, одета в темно-зеленое платье... Она подошла ко мне сразу после того, как ты, Виша, вылила на себя воду, которую тебе предложил Бриарей, вид у тебя, надо сказать, был еще тот, даже у Гiesa глаза повылезали. Пока ты там зажигала в мокрой белой блузке, сквозь которую...

– Хватит! – Виша показала альх-Хазреду кулак. – Я поняла.

– Так вот, она под села ко мне, представилась... вот черт, не помню и все тут. Сказала, кого берет в команду. Назвала всех вас, поименно... похоже, она много что про нас знает. Мне так показалось, что больше чем мы сами. А потом озвучила заказ.

– Мне ее платье показалось черным... – Виша поставила на стол чашку. – Я ее помню.

Она несколько растерянно оглядела собравшихся. Рассказывать им о том, что произошло в дамской комнате, не стоило. К тому же, это касалось только ее.

– И я помню. – Отозвался второй эльф. – Правда, я был уже настолько... не в себе, что принял как должное, что она обратилась ко мне на «ты» и по имени.

– И что она тебе сказала? – невозмутимо поинтересовался флюгер. – С твоего позволения, будем без церемоний, раз уж согласились работать вместе.

– «Ика, тебе не стоит так расстраиваться по поводу неслучившегося назначения. Или тебе мало тридцати лет патрульной службы, семнадцати лет гарнизона и десяти в командовании?»

– Откуда она могла узнать? – Иво чуть не поперхнулся шиповником. – Наши перемещения по службе, твое назначение?... Она эльф?

– Не думаю. Клыки у нее чересчур выразительны даже для человека. Да и не в клыках дело, всех офицеров соответствующего ранга, имеющих доступ к служебной информации, я знаю. А ее видел в первый раз. – Ика покачал головой. – Но вот что она мне предложила... и как я согласился... не помню. А ты, брат? Совсем ничего?..

– Как сказать... – заметно смутился Иво. – Не совсем.

– Ну и славно, – с облегчением выдохнул альх-Хазред. – Чем больше вы вспомните, тем меньше мне вам растолковывать.

– Боюсь, то, что помню я, тебе мало поможет. – Иво опустил глаза. – Предлагал ей я, а она мне отказала. Сказала, что одного остроухого ей вполне достаточно.

– Ничего себе... – покосился на собрата Ика. – Что-то Бриарей перестарался с твоим «Лиловым экстазом»...

– А ты, Тойво? – флюгер постарался перевести разговор, поскольку для эльфов обсуждение подобных тем было довольно неприятным.

– А я все помню. – Брокхус едва заметно улыбнулся. – Хотя она и постаралась приглушить меня, но сделала это так ласково и легко, что я не стал обижаться. Вот только как ее зовут... что-то похожее на название цветка, амарант... ирис...

– Приглушить тебя?! – Виша поежилась, вспомнив недавнюю драку.

– Почему же нет, она, кажется, даже извинилась потом.

– Так что она тебе предложила?

– То же, что и всем остальным. Отправиться в город-призрак, он же Ирем Многодивный, и найти там поющий кристалл. Тот, что в храме Нимы. Задаток она отдала альх-Хазреду, у него же координаты покупателя.

– Кхм... – прокашлялся Ика. – Ничего себе заказ. А каков задаток?

– Примерно столько, сколько стоит моргенштерн, на котором мой отец служит капитаном. А еще второй флюг для вас, полная зарядка обеих энергетических установок и прочие мелочи. Флюг потом можем оставить себе. – Флюгер выразительно поднял брови.

Сидящие за столом переглянулись. Сумма была весьма впечатляющая. Вот так, из обрывков воспоминаний и уверенных слов складывалась вполне определенная картина. Никому прежде не известная женщина, имени которой почему-то они не могли вспомнить, появилась в «Мертвецкой» именно тогда, когда все они были готовы ко встрече с ней. Их выбрали случайно, это было ясно как день. Вишу исключили из магистратской школы, и она была свободна как птица, которую пинком выкинули из гнезда, один из эльфов не получил заслуженного повышения по службе, друг разделял его негодование по поводу этой несправедливости, и оба они совсем не торопились вернуться в регулярные войска, Тойво только что закончил вахту и теперь располагал тремя месяцами отдыха, а альх-Хазред о таком заказе всю жизнь мечтал. Так что нехваткой времени или занятостью отговориться не мог никто. Что касается их способностей, то они были как раз те, что нужно: собирательница, способная передвигаться по Лесу, к тому же ученица Джесхета Ломара, лучшего реликвария в Одайне, эльфы, знающие и ненавидящие Лес с пеленок, брокхус-каратель, флюгер... как на подбор. Они смогут добраться до Ирема (если, конечно, он существует), найти редчайшую реликвию (вот только где и как?) и вернуться обратно за вознаграждением, которое, судя по задатку, обещает быть небывало щедрым.

– А... где нас будет ожидать покупатель? – спокойно поинтересовался Иво.

– В Лис-Арден. – Так же спокойно ответил альх-Хазред, как будто покупатель ждал их в соседней комнате.

Они снова переглянулись и на какое-то время замолчали.

– Скажи, альх-Хазред, а ты сможешь вернуть задаток? – не поднимая взгляда от стеклянной столешницы, спросила Виша.

– Я его и не брал пока что. Код активации флюга у меня, доступ к зарядникам тоже, а все остальное... она сказала, обратитесь в банк цвергов, будто у нас другие есть... В одайнское отделение. Назовите свои имена. И все.

– Перед флюгом не устоял, да? – усмехнулся Тойво.

– Не устоял, – обезоруживающе улыбнулся альх-Хазред.

– Я не пойду. – Виша встала из-за стола, отошла к окну. – Даже за такие деньги я не согласна на преждевременную смерть.

– Пожалуй, – Ика покачал головой. – Я не помню своего соглашения, но слова отказа произношу при свидетелях. Я не пойду.

– Я тоже. – Коротко сказал Иво.

– Знаешь, альх-Хазред, если бы не Ирем, я, возможно, подумал бы, что нашел, чем заняться на каникулах. Но это слишком даже для меня, – развел руками брохус. – Она неплохо все рассчитала, ей не откажешь в умении собрать команду и заинтересовать ее, но идти в Ирем – это чересчур. Такого не делал никто и никогда.

– Ошибаешься, друг мой, – не без удовольствия заметил флюгер, – делали. Мой предок, капитан ар-Раби...

– Альх, – прервала флюгера Виша, – я слышана про твоего знаменитого предка. Но только когда это было?! Извини, но истории такой давности больше похожи на сказку, где главный герой – не то пират, не то проводник...

– Он был охотником за дарами оазисов. Умел найти нечто очень ценное там, где искать будет только безумец. И выжить при этом ухитрялся.

– И тебе не дают покоя его лавры. – Сязвила Виша. – Нет уж, я отказываюсь от такого приключения.

– Я понял, – склонил голову флюгер, подняв руки ладонями от себя. – Все отказываются. Что ж... нет, значит, нет. Как говорил я моему отцу, отрываясь от игры, это слишком тяжелый квест.

В молчании они допили шиповниковый отвар; первыми, церемонно раскланявшись, ушли эльфы. Потом альх-Хазред заторопился провести свой драгоценный флюг. Вслед за ним засобиравлась и Виша, все больше смущавшаяся оставаться с брохусом вдвоем.

– И куда ты теперь? – спросил Тойво, подавая девушке плащ, на удивление чистый. – От приключения отказалась, из школы ушла, в Лесу была совсем недавно...

– В Лис-Арден, – ответила Виша. – Если наш ректор думает, что его школка единственная во всем мире, то мой долг – указать ему на ошибку.

– У эльфов нет высших школ, во всяком случае, не для людей.

– Зато у них есть учителя. Я училась по книгам профессора Эредиа, и профессор Ломар отзывался о нем весьма уважительно. Деньги у меня есть, а платные уроки еще никто не отменял.

– Ты уверена, что Эредиа согласится? Говорят, он затворник, ни с кем не общается, никого не принимает.

– Меня примет. – Виша старалась быть уверенной.

– Удачи тебе... – Брохус чуть помедлил и спросил: Может, увидимся в Лис-Арден? Я собирался провести там своих друзей...

– Ну... тогда дай знать, когда приедешь. Буду рада. – Виша привстала на цыпочки, поцеловала брохуса в щеку и сжала пальцами его плечо. – Спасибо, Тойво.

– Всегда пожалуйста, Виша. – И Тойво слегка поклонился и закрыл за ней дверь.

Спустя пару часов Виша сидела в любимом кресле своего брата Дня и с увлечением обсуждала недавние события с Альх-Хазредом.

– А потом я пошла в «Мертвецкую», напилась, устроила там какую-то оргию, если ты не привираешь. Очнулась в постели брохуса-карателя, занималась с ним любовью в душе, потом мы пили шиповник всей странной компанией, и я вернулась домой, к братьям. Вот, сижу в любимом кресле Дня. А что делать дальше, не знаю.

– Альх-Хазред никогда не привирает, красавица. И что тебе делать, ты прекрасно знаешь, ясноликая.

– Если ты будешь говорить, как шаммахит из дурацких анекдотов, вырублю коммуника-
тор. – Виша стукнула кулаком по столу.

– Не вырубишь. Не маме же про любовь в душе рассказывать будешь.

– Точно. Так ты думал, я действительно в Лис-Арден отправлюсь? На поклон к остро-
ухим?

– А почему бы и нет? Знаний у тебя достаточно, денег тоже, наклоняешься ты вполне
изящно...

– Встречу – убью... – но вопреки грозным словам, Виша засмеялась.

– Ничего, как-нибудь переживу, – засмеялся шаммахит в ответ. – Лис-Арден удивитель-
ный город, Виша. Моргенштерны летают туда каждый десятый день. Так что если ты не про-
собираешься, то вполне успеешь на завтрашний. Он называется «Облачный сон» и командует
им мой отец. И я буду за тебя совершенно спокоен.

– Спасибо, Альх. – Виша улыбнулась. – Слушаю и повинуюсь.

* * *

– Я ничего не понимаю!!! Я же все продумала, все предусмотрела!..

Вне себя от раздражения, она почти бегала по комнате, от окна к стене и обратно.

– Угомонись. Где твое божественное спокойствие? – он сидел на широком подоконнике,
свесив ноги в сад.

– Плевать я на него хотела! – она схватила первое, что попало под руку (к счастью, это
оказалось только яблоко из стоящей на столе корзины) и, что есть сил, запустила его в окно.
Сидящий пригнулся и засмеялся.

– Они просто идеальны для нашего замысла! Они... они просто не могли отказаться,
не могли!

– Именно, что могли. Ты учла все – их таланты и характеры, личные обстоятельства, даже
слабости. Кроме одного – ты забыла, что они совершенно необязательно захотят просоответ-
ствовать твоему замыслу. Мы не можем знать, что взбредет им в головы.

– Но я предложила им такую возможность проявить себя... и не задаром, между про-
чим! – Она подошла и присела рядом с ним на краешек подоконника. Из сада тянуло вечерней
прохладой, ветер укладывался на ночь где-то в зарослях начинающего отцветать жасмина.

– Вообще-то ты предложила им пойти туда-не знаю куда с совершенно самоубийственной
миссией, – усмехнулся он. – Задаром это было бы как-то неприлично. Неудивительно, что они
отказались. Я бы тоже отказался.

– Ты соглашался и на более самоубийственные миссии. – Она несильно дернула его
за длинную светлую прядь волос.

– О, у меня были совсем другие мотивы. – Он притянул ее к себе и поцеловал. – Ты
умница. Они действительно идеальны для нашего замысла. И то, что ты нашла их – уже боль-
шая удача. Теперь нужно, чтобы они сами захотели стать нашим замыслом. И никаких бес-
платных флюгов и фантастических вознаграждений! Аттракцион небывалой щедрости закон-
чился. Чем скуpee помощь богов, тем больше ее ценят.

– Что, они захотят за здорово живешь лететь в несуществующий для них город? – Недо-
верчиво покачала она головой. – Через леса нашего потерявшего разумение собрата?

– Захотят. Уж слишком торопливо они разбежались. А значит – очень скоро им снова
придется встретиться... Эта девочка так похожа на тебя... уж она-то не даст им спокойной
жизни.

Глава третья. Безупречный город

Летательные аппараты, похожие на огромные веретена с прикрепленными к ним многопалубными корпусами, были изобретены уроженцем Краглы, инженером Оле Моргенштерном незадолго до падения Ирема. К тому времени, когда земли восточнее Безымянного хребта оказались потерянными для людей, стало очевидным, что именно воздухоплавание – наиболее безопасный способ передвижения. Наземные дороги, равно как и реки слишком часто подвергались нападениям Леса, да и сохранность их оставляла желать лучшего: что толку укладывать дорожное полотно, когда корни растений разрушали его в несколько дней. Поэтому сначала махины моргенштерны, а затем, как только появились компактные энергетические установки, и небольшие флюги стали главным транспортом, сохраняющим связь между городами западных земель.

«Облачный сон» был моргенштерном последнего поколения, его воздушная капсула была сделана из шелкового пластика и защищалась оболочкой из металла с измененной кристаллической решеткой, прочного и гибкого. Между капсулой и оболочкой проходили лестницы и подъемники для обслуживающих техников, крепились запасные топливные баки. По обе стороны капсулы крепились на изогнутых балках кабины пилотов, стены кабин меняли степень прозрачности в зависимости от интенсивности светового потока. Под брюхом наполненного воздухом веретена располагались палубы: верхняя, закрытая для пассажиров (там находилась основная энергетическая установка), прогулочная, палуба первого класса, палуба развлечений, второго класса, третьего, и, наконец, складская.

Полет от Одайна до Лис-Арден на моргенштерне длился чуть более суток. Конечно, при необходимости можно было разогнать летающий отель и побыстрее, но к подобным полетам давно относились как к развлечению, так что спешка не приветствовалась. На моргенштерне было все, необходимое для легкого времяпрепровождения – рестораны, бары, несколько танцевальных залов, бассейн, небольшой театр, открытая палуба для прогулок в небе. И роскошные каюты, разумеется. Для тех, чьи кошельки могли пережить подобное опустошение. Впрочем, каюты попроще тоже отличались комфортом.

Виша убедилась в этом лично. В последний раз она летала на моргенштерне пару лет назад, из Одайна в Арзахель и обратно, на каникулы. Тогда она не думала о необходимости экономить деньги, чтобы хватило на оплату уроков эльфийского светила науки, и заняла каюту в средней части пассажирской палубы первого класса, с витражным иллюминатором во всю стену и ванной размером с небольшой пруд. В этот раз Виша решила быть поскромнее, но каюта на палубе второго класса оказалось вполне уютной.

Девушка дождалась, пока корабль поднимется и ляжет на установленный курс, затем вышла в длинный коридор, нашла винтовую лестницу, ведущую на верхние палубы и поднялась до открытой, прогулочной. Моргенштерн был заполнен не более чем наполовину, поэтому открытая палуба выглядела не как оживленный променада, а скорее как улица в час поздних сумерек, когда прогуливающиеся проплывают мимо тебя как немногочисленные тени. Виша подошла к ограждению, облокотилась о перила. Внизу проплывали земли Одайна. Сам город уже остался позади – Одайн и в прежние времена не был велик, теперь же о расширении своих территорий люди и не мечтали. Ровные зеленые квадраты ферм сменялись бурыми проплешинами, заросшими мусорными растениями. Они вырастали на землях, отравленных войной, и были печальным напоминанием, что ни одна из сторон в итоге не получит от войны ничего хорошего. Для Леса мусорные растения были бесполезны – они были немые и бессмысленны, и голоса их не вливались в единый хор лиственнотрущих. Людям от них тоже толку не было –

бурые, рыжеватые кустарники и трава цвета старого кирпича не годились ни в пищу, ни в производство, вообще никуда. Даже дышать на мусорных пустошах было тяжело, не в пример опушке Леса или той же ферме. А между тем земли, занятые сорняками, было очень трудно вновь вернуть под другие растения; мусорное разнотравье цепко держалось за жизнь.

Мусорные пустоши сменились зеленым, ровно дышащим покрывалом Леса, уже слегка тронутым желтизной. Виша смотрела на Лес с высоты птичьего полета и вспоминала, какой была ее последняя вылазка. Все прошло удачно, особенно если учесть время – почти ночь, и место – болото. Лучшая клюква росла на болоте, а какой был смысл рисковать жизнью из-за нелучшей?! Виша тогда быстро добралась до Мхов, стараясь как можно легче ступать, по упругим кочкам практически долетела до клюквенных кустиков, устилавших влажную землю, и принялась за работу. Пальцы, затянутые в эльфийские перчатки, уверенно брали ягоду – созревшие темно-красные бусины легко отделялись от веточек, безболезненно и безропотно ложась в легкие пластиковые контейнеры. Даже в густой осенней темноте Виша видела как поблескивают их тугие бока. Она заполняла последний, как вдруг ее слух задел звук, совершенно неуместный для Леса. Это был детский голос.

– Она же кислая?!.. – вопрос прозвучал прямо над ее ухом.

Не спеша, Виша повернула голову и увидела мальчика лет восьми, такого светловолосого, что волосы его светились, будто впитав сияние луны. Крепко усвоенные под суровым руководством брохусов техники не позволили Више даже тени эмоций – этим она бы выдала себя. Вместо этого девушка – здесь и сейчас сова – трезво оценила опасность пришельца – ничтожную, значимость его для себя – невеликую, и отвернулась. Пальцы ее ни на миг не прекращали обирать ягоды.

– Я тебе мешаю? Извини. – И вместо того, чтобы отойти и не мешать, мальчик подошел еще ближе. – Только ведь они такие кислые... – Судя по всему, этот вопрос занимал его не на шутку. – Как ты будешь есть такую гадость?!

Это все газ. Болотный газ. Так решила про себя Виша. Прячась за сознанием Уху, она пыталась понять, откуда возникло это видение, и нашла единственный возможный ответ.

– Видно, ты и впрямь занята.

Виша медленно подняла голову. Мальчик стоял совсем рядом. Перехватив ее взгляд, он приветливо улыбнулся и у девушки перехватило дыхание – в лунном свете блеснули клыки, белоснежные и острые.

– Ты здорово прячешься. – С уважением сказал незванный гость. – Вот только сейчас выглянула. Но здесь тебе лучше так не делать... конечно, я смогу тебя защитить, но придется потом маме объяснять, и вообще... – сейчас он выглядел и говорил как самый обыкновенный мальчишка, удравший гулять не вовремя. – Так что ты уходи отсюда, ладно?

Виша еле заметно кивнула. С таким советом не поспоришь. Она тщательно застегнула заплечную сумку, перебросила ее через плечо, с удовольствием ощущая тяжесть заполненных контейнеров. Медленно, словно потягиваясь, девушка встала.

– Так и быть, я тебя провожу. – Мальчишка решил быть великодушным. – Иди за мной.

Стоило ему сделать шаг в сторону, как под его ногами слабо засветилась тропа, которой до этого не было, Виша могла бы в этом поклясться. Точно, это все болотный газ, надышалась, пока брала ягоду, подумала она, ступая след в след за мальчиком, который шел впереди, ведя за собой нездешний свет. Почему-то у нее не возникло ни малейшего сомнения, та ли это тропа и туда ли она ведет. Ей показалось, что шли они совсем недолго, как Лес закончился, отступило опушечное редколесье.

– Ну вот, пришли. Здесь ты уже в безопасности. – Мальчик остановился, повернулся к Више. – Счастливого оставаться. И все-таки как ты будешь есть эту кислятину?

– Посыплю сахаром, – будто во сне, с трудом разлепив губы, ответила девушка.

– Вот как... Тогда тебе придется вывалить на горстку ягод всю сахарницу целиком, – мальчишка весело засмеялся, демонстрируя клыки. Продолжая хохотать, он поднялся над землей. Виша, решив что болотный газ и не такое может вызвать, спокойно следила за тем, как смеющееся видение растаяло в ночном воздухе.

Виша собиралась рассказать об этом Джесхету, но не пришлось. Так и остался этот забавный эпизод в ее памяти. Она понимала, что дешево отделалась тогда – ведь могла бы и не дойти до опушки, одурманенная болотным газом, или, что еще хуже, потерять контроль над собой. Но она слишком привыкла к опасности, и не считала ее достойной особого внимания.

День на моргенштерне прошел легко и приятно. Виша нагулялась на свежем воздухе, с аппетитом поела, заглянула в театр и честно продремала небольшую пьесу. На танцпол ее не тянуло. Поэтому спать она отправилась рано, надеясь уже утром увидеть безупречный город Лис-Арден.

Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, первый Лис-Арден строили лесные эльфы, подданные четырех Королей. Строили вокруг большого озера, не тревожа деревьев, сплетали легкие мосты, возводили галереи вокруг стволов вековых сосен. Город был соединен с лесом как вышивка с тканью. Когда начались первые войны с детьми Калима, эльфы пытались понять нападавших, несколько десятков их сгинуло в паломничествах в пределы Нильгау. Когда люди потеряли все свои земли восточнее Безымянного хребта, все города поспешили избавиться от растений в своих стенах – но не Лис-Арден. Эльфы доверяли своим возлюбленным друзьям. Ни одно дерево не было срублено в их городе. И, надо сказать, до дня Падения ни одного нападения растений в пределах Лис-Арден не было. Но никто не мог предположить, что корни всех деревьев города соединял паучий выюн – растение-паразит, постепенно отравлявшее их сознание, подчинявшее его воле Леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.